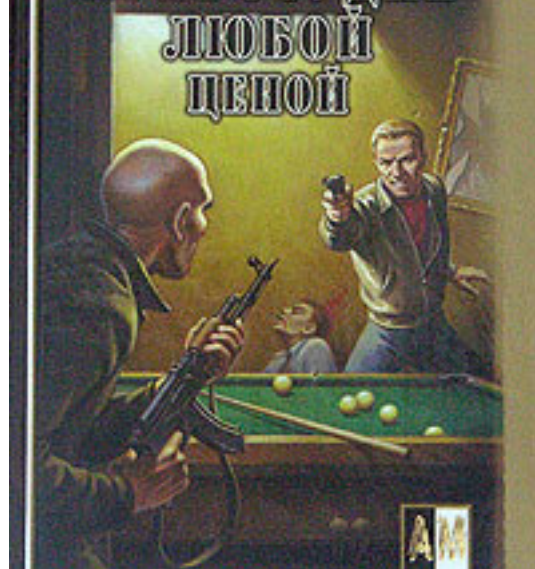

БОЕВИК ОТ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

**МЕНТ:
ПРАВОСУДИЕ
ЛЮБОЙ
ЦЕНОЙ**

Мент

Александр Золотько

Правосудие любой ценой

«Автор»

Золотько А. К.

Правосудие любой ценой / А. К. Золотько — «Автор»,
— (Мент)

ISBN 5-17-034395-7

Вор в законе Мастер съездил отдохнуть и после возвращения кардинально переменился. Перестал понимать и «уважать» коллег по преступному бизнесу и устроил настоящий беспредел. Все, кто хотел выяснить, почему так переменился держатель городского общака, встретили скорый и неприятный конец. Чтобы распутать эту непонятку, воры обращаются к... подполковнику милиции Гринчуку. И тот обещает помочь. У подполковника Гринчука свои, а не воровские правила и понятия. Но «за базар» он отвечает всегда.

ISBN 5-17-034395-7

© Золотько А. К.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Золотко

Мент: Правосудие любой ценой

Глава 1

Весна пришла в город вовремя, но все равно как-то внезапно. Последний день февраля был, как положено, холодный и снежный. Мела поземка. А первого марта все проснулись уже весной. На небе ярко светило солнце, разом потекли сосульки и скоропостижно просели сугробы.

На разборку с наследством зимы марту потребовалось всего с неделю. Сосульки, снег и лед исчезли быстро, оставив на мокрой и еще холодной земле мусор, накопившийся за зиму.

В лесопарке, как и положено, обнаружили пару трупов, жизнерадостно именуемых знающими людьми «подснежниками». За пределы ежегодной нормы все это не выходило, а посему паники в рядах правоохранительных органов не вызвало, как не вызвало, впрочем, и возмущения общественности.

Общественность вообще редко возмущается такими пустяками, как рост преступности. Нет, каждый в отдельности, естественно, ворчал, натываясь на информацию об очередном преступлении, но в запросы в парламент или к Президенту ворчание не выливалось. Дело житейское.

Те, кто мог быть отнесен к преступным элементам и даже мог иметь отношение к появлению тех самых «подснежников», имел по поводу роста преступлений свое собственное мнение. Типа, беспредел достал, задрали отморозки... ну, и тому подобное. Сунуть перо в бок ближнему своему – это нормально, при условии, что делается в согласии с понятиями.

Бомба в машине или автоматный расстрел – тоже может быть, но в особых, конкретных случаях. Это слишком нервировало уважаемых людей и авторитетов. На то и существовали «стрелки», чтобы на них перетирать разногласия. И если козел в натуре не понимал, тогда...

Хотя, обычно, козел все понимал. Он тоже хотел жить.

Жить хотели и три парня, сидевших уже второй час в машине напротив высотки в центре города.

К самому дому они благоразумно не лезли, понимая, что дом населяют не самые простые люди города, и что охрана этих людей свободно могла начистить портреты всем троим. Для профилактики. Был такой опыт у одного из сидевших в машине.

Этот опытный отзывался на кличку Грыжа и, неспешно постукивая пальцами по рулю, делился опытом с двумя компаньонами – Яриком и Сливой.

– Прикиньте, мы такие только стали, вроде как не при делах, только Петруха прикурил, как у тачки нарисовались двое. И понеслась...

– Че, вот так просто от балды? – не поверил Слива.

– Не, не от балды. Вначале охранники сказали, чтобы мы, типа, сваливали, а Петруха им конкретно объяснил, куда им самим валить...

– Петруха, – хмыкнул одобрительно Ярик. – Этот может.

– Ага, – сумрачно кивнул Грыжа. – Тока теперь он еще с месяц не сможет.

– Что не сможет? – не понял Слива.

– Считаю, ничего не сможет, – сказал Грыжа. – Я на заднем сидении кантовался, так даже дернуться не успел. У меня перед рожей ствол, а Петруха возле тачки лежит. А ему с носака объясняют, чего можно, а чего нет.

– А у вас что, своего ствола не было? – Ярик достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, прикурив, не предлагая остальным.

Ярика вообще некоторые считали жлобом.

– Был, у Петрухи, – Грыжа оглянулся на Ярика. – Петруху уже почти отпустили, когда он схватился за свою дуру.

– И чего?

– Я ж тебе говорю, до этого у него только юшку из носа пустили и, там, пару синяков по роже. А когда пистолет заметили, вот тогда он свои переломы и сотрясения и получил, – Грыжа потянулся и зевнул.

– Че ты? – спросил Слива.

– Не выпался я, в натуре. Сейчас бы завалиться на боковую...

– С бабой, – добавил Слива.

– Не, – мотнул головой Грыжа. – Тока спать. С ментом все закончить – и спать.

Все трое помолчали.

То, что они должны были сделать сегодня, им нравилось мало. Хотя бы по тому, что никто из троих не понимал толком, зачем все это. Когда Атаман отдавал приказ, Ярик даже попытался засомневаться, но быстро смирился. Чем там могла закончиться разборка с ментом – не понятно, а если Атаман обидится, то...

На фиг, подумали все трое.

Сейчас же у всех было время поразмыслить.

– Ну и на хрена все это нужно Атаману? – спросил Слива, ни к кому особо не обращаясь.

Грыжа снова промолчал, а Ярик одной затяжкой докурил сигарету и выбросил окурочек в окно. Там, на асфальте уже лежал с десяток таких же.

– Не, в натуре, – Слива обернулся к Грыже. – На хрена Атаману разборка с ментом?

– И если бы с кем другим, – лениво протянул Ярик, – а то с Зеленым.

– А че с Зеленым?

– Ты давно у нас в городе кантуешься, Слива? – спросил Грыжа.

– Считаю, с полгода как откинулся и сюда переехал, – ответил Слива. – А че?

Этим своим «а че?» он в первые дни доставал всех, да так, что пару раз даже схлопотал по хлебалу. Потом к вопросу привыкли, но тупости Сливы, выделявшей его даже на фоне интеллектуального уровня братвы, все продолжали радоваться буквально ежеминутно.

Можно было понять, что приезжий пацан все еще путается в названиях улиц. Можно было простить то, что не всех уважаемых людей он знал в лицо, а тех, кого даже знал, узнавал далеко не всегда. В конце концов, свои бабки Слива отрабатывал вовсе не головой.

Но выучить и запомнить имена самых знаменитых лиц города даже такой бык как Слива был обязан. Тем более, лиц легендарных.

– Так кто такой Зеленый? – переспросил Слива.

Грыжа хмыкнул.

Ярик ухмыльнулся и постучал Сливу пальцем по лбу.

Слива отмахнулся и обиженно насупился.

– Ща как стукну, – предупредил Слива.

– Не, ты глянь на этого уродца! – Ярик снова полез за сигаретами. – Зеленый – это...

– Ты не помнишь, как украли пацана из богатых? – спросил Грыжа.

– Это на Новый год?

– Точно.

– Конечно, помню, а че?

– Мешок через плечо, – привычно передразнил Ярик.

Слива привычно обиделся.

– Помнишь, как весь город на уши поставили?

– Помнишь... А че тут помнить? Не дурак, наверное, – сказал Слива.

– Наверное, – согласился Ярик. – И помнишь, как всю семью там замочили? С детьми, прислугой и охраной.

– Десятка два жмуриков было, – дополнил картину Грыжа.

– Помню, – кивнул бугристой головой Слива. – Там еще бабки большие типа как пропали.

– Типа, – сказал Ярик. – А вот Зеленый все это дело и распутал. Лично нашел беспредельщиков.

– И че?

– Не че. Нету тех беспредельщиков.

– Мент замочил?

– Сами они друг друга замочили, – Ярик выбросил очередной окурок.

– А мент при чем?

– Задрал ты меня уже, Слива, – простонал Ярик.

– Не, – мотнул головой Слива. – Если они сами друг друга замочили, то мент тут с какого боку?

– Ни с какого! Если так глянуть – ни с какого. А только среди братвы слух пошел – если Зеленый решит, что кто-то лишку на себя взял, или там замочил кого не по делу, то жить тому ффраеру с неделю. А то и меньше. Порчу он, типа, напускает.

Слива перевел взгляд с Грыжи на Ярика, а потом обратно.

Прикалываются, подумал Слива.

Его постоянно разводили на ерунде, он уже даже привык. Не к тому, что постоянно выглядит лохом, а к тому, что ничего тут не поделать. Можно было только особо надоедливый давать в рыло. С Грыжей и Яриком этот способ явно не проходил, потому лучше всего было разрешить им довести шутку до конца и сменить тему.

– Чего зенками водишь? Не веришь?

Слива неопределенно пожал плечами.

– А то, что Саня Мехтиев умер после того, что начал под Зеленого копать ты знаешь? – спросил Ярик.

– И Гирия из города уехал, – подсказал Грыжа.

– Гирия?

Гирию Слива помнил. Он поначалу даже прибил в одну из его бригад, но потом, когда в январе Гирия вдруг неожиданно уехал, пришлось идти под Атамана.

– Это Зеленый Гирию из города выгнал?

– А то! – Грыжа опустил стекло в дверце и мельком глянул на Ярика. – Надымил, козел.

– Просто так выгнал? – не поверил Слива.

– Ага, – кивнул Грыжа. – Блин.

– Что там? – насторожился Ярик.

– Гляди, – Грыжа ткнул пальцем.

Из дома вышел высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти. Помахал рукой, глядя куда-то на верхние этажи дома, перешел через дорогу и сел в темно-синий «джип». За руль.

– Это он? – спросил Слива.

– Ага, – кивнул Грыжа и завел мотор.

– Крутая тачка, – оценил Слива, разглядывая «джип».

– Самая ментовская машина, – сказал Ярик и нервным движением вытер губы.

– Ментовская? – не понял иронии Слива. – Че ментовская?

«Джип» Зеленого тронулся с места.

Грыжа подождал несколько секунд и тоже стартовал.

– Че ментовская? – повторил свой вопрос Слива.

– Ты часто ментов на таких машинах видишь, урод? – Ярик почесал висок, не сводя глаз с «джипа», едущего метрах в пятидесяти впереди.

Слива посмотрел на «джип», потом перевел взгляд на Ярика:

– А че?

«Джип» притормозил на перекрестке.

– Давай! – почти выкрикнул Ярик.

Грыжа надавил на педаль газа.

Ярик уперся руками в спинку переднего сидения. Напрягся.

Светофор мигнул, и «джип» тронулся с места.

– Не успели, – протянул Грыжа, отпуская педаль.

– Ничего, на следующем, – сказал Ярик. – Только держись поближе.

Слива все еще не совсем понимал, отчего так волнуются приятели. Лично он ничего особого во всем происходящем не видел. Тоже мне, фраер на «джипе»! Нашел чем удивить. Слива видел и покруче тачки...

Хотя, дошло вдруг до Сливы, менты действительно на «джипах» не ездят. Даже те, кто взятки берет. Эти боятся, что их возмут за яйца. А у других бабок и на «жигуля» не хватает.

А этот, получается, не боится?

– Так он чего, взятки берет? – спросил Слива.

– Кто? Зеленый?

– Ну...

– Козел. Зеленый в жизни ничего не взял.

– А «джип»?

– А дом! – подхватил Ярик.

– А че дом?

– Ты знаешь, сколько в том доме одна квартира стоит?

– А...

Машина вильнула. Сливу бросило к дверце. Грыжа попытался проскочить между троллейбусом и «мерсом», но вовремя сбросил скорость.

– Мы так его не нагоним, – сказал Ярик.

– Нагоним, – сказал Грыжа.

– А может, – неуверенно протянул Ярик. – Может, на хрен?

– Атаман сказал – обязательно сегодня.

– Сам бы и ехал, – пробормотал Ярик.

– Так че квартира?

Если Слива решал что-то выяснить, то сбить его с курса было сложно.

– Она стоит как два таких «джипа». И то, если тебе разрешат ее купить. В тот дом кого попало не селят. А Зеленый – живет. И оба его помощника там же.

– Братку повезло, – сказал Грыжа, не отводя взгляда от машины Зеленого. – Быком был у Гири, а теперь вон с Зеленым кантуется, прапорщиком милицейским стал.

Троллейбус ушел вправо, к остановке, и Грыжа смог приблизиться к «джипу» почти вплотную. Только давно немывтая «ока» разделяла теперь машины.

– Хорошо, что он один сегодня, – сказал Грыжа.

– Ага, – согласился Ярик, – хотя он и один не подарок.

Слива расправил плечи. Разговор коснулся темы, в которой он себя считал профессионалом.

– Я его, – уверенным тоном произнес Слива. – Да я трех таких как он...

– Ага, – легко согласился Ярик и похлопал Грыжу по плечу. – Может, дадим пацану возможность побазарить с Зеленым?

– Нам бы все успеть, пока он не успеет обидеться, – пробормотал Грыжа.

– Я, – снова начал Слива, но закончить не успел.

«Ока» ушла в правый ряд и включила поворот.

– Вот тут, – сказал Ярик.

Костяшки пальцев Грыжи побелели.

Светофор загорелся красным, «ока» начала поворот вправо, по стрелке. «Джип» мигнул «стопами», но потом вдруг рванул вправо, чуть не спихнув «оку» на тротуар.

– Твою мать! – выругался Грыжа.

Тормоза взвизгнули.

– Вправо давай! – крикнул Ярик.

Грыжа оскалился, оглянулся назад и, надавив на клаксон, потянул машину на поворот. Не обращая внимания на недовольные гудки других машин в правом ряду.

– Засек нас мент, – сказал Ярик.

– Вернуться хочешь? – спросил Грыжа, высматривая, куда подевался «джип».

– Так ведь засек...

– Это ты потом Атаману скажешь.

«Джип», не торопясь, двигался в сторону лесопарка.

– Давай его прямо тут, – предложил Ярик, и снова вытер рот. – Давай!

– Сказано было – на перекрестке. Чтобы как в аптеке.

«... не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз!» – взревело вдруг в салоне машины.

Грыжа дернулся. Машина вильнула.

– Козел! – взревел Грыжа и врезал локтем вправо и вверх.

Удар пришелся Сливе в нос.

Так себе удар, если честно. Слива в другой момент и не обратил бы на него внимания, но сейчас... И главное – за что? Он ведь просто хотел включить музыку. Слива любил душевную музыку погромче. А его – в рожу?

Слива почувствовал себя обиженным. А когда он чувствовал себя обиженным, то тут же начинал восстанавливать справедливость.

На словах «Владимирский централ» Слива провел рукой по лицу и обнаружил, что из носа идет кровь. «...этапом из Твери» совпало с нечленораздельным боевым выкриком Сливы.

В машине драться не очень удобно. Водителю в этом смысле повезло меньше других – ему еще и руль мешает. Поэтому Грыжа заметить удар Сливы смог, а отреагировать – нет.

В ухо.

Грыжа смог только дернуть головой, ослабляя удар. Ему еще приходилось вести машину.

Слива левой рукой попытался обхватить Грыжу за шею. Тогда позиция была бы близкой к идеалу.левой рукой блокируется голова водителя, а правой рукой можно обрабатывать эту самую голову практически без помех. Шансов у водителя нет почти никаких.

Грыжа нажал на тормоз. Машина резко остановилась, Сливу приложило лбом о стекло. Несколько капель крови из носа пунктиром простучали по стеклу.

– Мудак! – взревел Грыжа.

Мимо машины, ревя сигналом, проскочил автобус.

Что-то закричал Слива:

«... а к одиннадцати туз!»

– Твою мать!

– Козел!

В дело вступил Ярик.

Он захватил сзади за шею Сливу, потянул голову на себя. Слива вырывался, размахивая руками, потом вцепился в пальцы правой руки Ярика и начал их отдиравать от своей головы.

Еще секунда, понял Ярик, и пальцы с хрустом начнут ломаться.

Теперь в машине кричало не только радио. Орала все.

– Суки! – хрипел Слива.

– Не выпускай! – кричал Грыжа, а Ярик просто выл что-то от боли в пальцах.

– Н-на! – выдохнул, наконец, Грыжа и приложил ребром ладони по напряженному горлу Сливы.

Слива дернулся и замолчал.

Не то, чтобы совсем замолчал, но ничего связного уже не произносил. Ему уже было не до того. Он уже просто хотел дышать. А это получалось не совсем.

Ярик отпустил голову Сливы, и тот, хрипя, стал сползать куда-то вниз.

– Урод, – выдохнул Грыжа и выключил приемник.

– Не нужно было его трогать, – сказал Ярик.

– Не нужно было его с собой брать, – недовольно пробормотал Грыжа. – Зеленого теперь...

Он хотел сказать что-то типа «хрен найдем» или «фиг догоним», но заканчивать фразу не стал. Зеленого не нужно было ни искать, ни догонять. Мент стоял перед машиной, с явным интересом рассматривая сидящих в ней.

Убедившись, что его заметили, Зеленый поманил Грыжу пальцем.

– Приехали, – тихо сказал Грыжа и вышел из машины.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, – сказал Грыжа.

– Привет, Грыжа, – улыбнулся Зеленый.

От этой доброжелательной улыбки по спине Грыжи пробежал холодок.

– Я... это...

– Проводишь воспитательную работу среди молодежи, – кивнул Зеленый. – Куешь, так сказать, кадры.

Грыжа потер ребро правой ладони и оглянулся на машину. Слива дыхание все еще не восстановил, а Ярик старательно делал вид, что ко всему происходящему он отношения не имеет. Типа, просто сидит на заднем сидении.

– Заспорили тут... – пробормотал Грыжа.

– Понятное дело! – с серьезным видом кивнул Зеленый. – Спор – дело сильных духом. И горлом.

– Ага, – тяжело вздохнул Грыжа.

– А давай и мы с тобой поспорим, – предложил Зеленый.

– Про что?

– Ну... Есть много разных замечательных предметов для спора. Например, спорим, что я тебя посажу?

Грыжа сглотнул.

– Я вас вроде как бы задержал за драку и покушение на человека...

Зеленый и Грыжа одновременно посмотрели на Сливу.

– Вроде как на человека, – поправился Зеленый.

– Это мы по дружбе, по приколу...

– Вроде как шутейно, – с пониманием кивнул Зеленый. – Я и сам люблю вот так пошутковать. До первой крови. И твой этот приятель, понятное дело, подтвердит, что вы шутили.

– Ага, – с готовностью подхватил Грыжа. – Подтвердит.

– Правильно, подтвердит, – кивнул Зеленый. – Но не сразу. За это время я вас обоих – тебя и, если я не ошибаюсь, Ярика – положу на асфальт и вызову «маски-шоу» – группу. Они приедут, весело проверят машину и найдут там чего-нибудь такое... Интересное.

– Это...

– Что это? Нету у вас в машине ничего интересного? – Зеленый улыбнулся самым душевным образом. – А ты как полагаешь, пока вы будете в лежачем положении дожидаться альтруистов в бронжилетах, я не смогу вам чего-нибудь подбросить? Интересного.

Зеленый сунул руку в карман куртки и достал три пистолетных патрона.

– Три патрона. Для задержания хватит. Вас примут, привезут в участок, так поговорят немного по-взрослому, а, затем, появлюсь я. И стану задавать массу разных неприятных вопросов. Которые, если честно, будут сводиться к одному – какого хрена вы за мной ехали от самого дома. А?

Грыжа замаялся. У него были инструкции от Атамана. И там все было понятно – место, действия, последствия, варианты и что будет ПОСЛЕ. Вариант, при котором разговор начинался ДО с Атаманом оговорен не был.

– Товарищ не понимает, – констатировал Зеленый.

Чуть наклонившись, он посмотрел в машину, поймал взгляд Ярика и махнул рукой, подзывая.

Ярик показал на себя пальцем и вопросительно посмотрел на Зеленого. Тот кивнул.

Ярик вздохнул и вышел из машины.

– Все в порядке? – спросил Зеленый.

– Где? – не понял Ярик.

– В порядке, – удовлетворенным тоном произнес Зеленый и таким же удовлетворенным тоном продолжил, – аккуратно укладываемся на асфальт. Лицом вниз. И руки за голову.

– Чего? – Ярик не слышал из машины разговора, посему такое предложение застало его врасплох.

– На асфальт, – сказал Зеленый.

– Вы что, в натуре?

– О, – обрадовался Зеленый, – мы начинаем пререкаться с работником милиции. Если события будут развиваться в таком темпе, то через тридцать секунд мы перейдем к сопротивлению. А еще секунд через тридцать я смогу принимать и более серьезные меры. Устраивает такой сценарий?

Ярик оглянулся на Грыжу.

– Не, пацаны, так дело не пойдет! – Зеленый спрятал патроны в карман. – Мы или укладываемся на асфальт сами, или я помогаю, по мере сил и фантазии. Или вы мне объясняете, какого хрена ехали за мной и что собирались делать.

– Скажи ему, – попросил Ярик Грыжу.

Грыжа отвел взгляд.

– Скажи ему, что тебе Атаман приказал, – снова попросил Ярик.

– Атаман? – восхитился Зеленый. – Сам Атаман что-то приказал сделать по моему поводу?

Зеленый присел на капот машины.

– И что же он приказал? Надеюсь, не мочить мента?

– Нет, – торопливо заверил Ярик. – Он сказал...

– Руку, – строго напомнил Зеленый, заметив, что Ярик полез в карман.

– Закурить, – объяснил Ярик.

– Потерпишь. Здоровее будешь. Подышишь чистым воздухом...

Мимо проехал автобус, обдав сизым вонючим дымом.

– Ладно, закуривай, – разрешил Зеленый.

Ярик торопливо закурил.

– Так кто будет говорить? – уточнил Зеленый. – Кто будет сотрудничать с представителем закона?

– Атаман сказал, чтобы мы дождались вас, потом нагнали на перекрестке и вроде случайно въехали в вашу тачку сзади, – сказал Грыжа. – Типа – случайно.

– Ага, – кивнул Зеленый. – Решил Атаман заняться мелким вредительством. Что ему мой «джип» плохого сделал?

– Не знаю. В натуре – не знаю, – развел руками Грыжа. – Он мне сказал, что если начнется разборка...

– Начнется, – подтвердил Зеленый.

– Когда начнется – посылать вас, извините, куда подальше и грузить, что это вы нас подрезали.

– Глубоко, – оценил Зеленый. – А дальше?

– Все.

– Интересно. Очень интересно. А вчера возле дома охрана вас зацепила?

– Нас, – кивнул Грыжа. – Не совсем нас, но...

– Понял. Выходит, что Атаман еще со вчерашнего дня хочет мне пакость сделать. Вопрос только – зачем? – Зеленый почесал кончик носа. – Забавные вы пацаны, с Атаманом вашим.

Ярик тяжело вздохнул.

– И что будем делать дальше? – спросил Зеленый.

– Не знаю, – честно признался Грыжа.

– Дурацкая ситуация, – констатировал Зеленый.

Рядом затормозила патрульная машина. Из нее вышел старший лейтенант и подошел к стоящим:

– Что тут у вас?

Зеленый тяжело вздохнул, достал удостоверение и показал его старлею:

– Подполковник Гринчук, начальник оперативно-контрольного отдела. С кем имею честь?

Старший лейтенант взглянул на удостоверение, потом на Грыжу с Яриком.

– Старший лейтенант Горкин. Помощь нужна? – спросил старший лейтенант.

– Ну что вы, у нас тут полное взаимопонимание. Мы сейчас как раз решаем так просто разойтись или со стрельбой. Вам как лучше, товарищ старший лейтенант Горкин?

– Нам лучше, чтобы вы убрали машину. А если надумаете стрелять, то где-нибудь в другом месте. Всего хорошего.

Старший лейтенант козырнул и вернулся в патрульную машину.

– Что там? – спросил водитель.

– Гринчук кого-то воспитывает.

– Тот самый? – водитель даже оглянулся, чтобы посмотреть.

– Тот самый, тот самый, поехали, – сказал старший лейтенант Горкин.

Патрульная машина тронулась с места.

– А правда, что он нашел те четыре миллиона баксов? – спросил водитель.

Старший лейтенант кашлянул.

– Нет, серьезно.

– Серьезно... – старший лейтенант почесал в затылке. – С одной стороны, он, понятное дело ничего такого никому не говорил.

– Ясное дело.

– С другой стороны, тачки у него и его людей крутейшие, живут в том большом доме, знаешь, где...

– Знаю, – кивнул водитель.

– И опять же, при всем при том не было случая, чтобы Гринчук не нашел того, что искал.

– Значит, – подвел итог водитель, – четыре миллиона баксов он нашел. Тогда какого рожна остался в органах?

– А нравится ему, – сказал старший лейтенант. – Единственный в мире мент-миллионер.

Гринчук проводил взглядом отъезжающую патрульную машину и посмотрел на пацанов.

– Ложиться? – спросил Грыжа.

Внезапно распахнулась дверца и из машины выбрался Слива, о котором все участники переговоров несколько подзабыли.

– Суки! – заявил Слива и двинулся на Грыжу.

– Стоять, – негромко скомандовал Гринчук.

– Да пошел ты... – заявил Слива.

Что ему этот мент, если еще не забыта обида, если саднит горло, если... Если просто хочется набить рожи этим козлам. Двоим. А если мент полезет не в свое дело, то и троим.

Лицо Гринчука чуть напряглось.

– Не надо, – быстро сказал Грыжа. – Мы сами.

Вообще-то, Слива пользовался славой отморозка, и драки с ним обычно избегали, но тут Сливе не повезло. Он в данной ситуации оказался меньшим злом. А потому...

Когда Гринчук шел к своему «джипу», Слива уже лежал, а Грыжа и Ярик доводили до совершенства ногами дело рук своих.

Когда «джип» тронулся с места, Грыжа на секунду оторвался от воспитательного момента и помахал вдогонку рукой.

– Любит у нас народ милицию, – сказал Гринчук. – Ой, как любит.

Гринчук достал из кармана телефон и нажал на кнопку.

– Да, – ответил Михаил.

– Миша, гигантская просьба – я сейчас съезжу к Атаману...

– Бильярдная в парке, – сказал Михаил.

– Я хотел, чтобы ты подъехал туда минут так через сорок. Сможешь?

– Конечно, – сказал Михаил.

– Там и встретимся, – Гринчук спрятал телефон в карман.

– Вот такие пироги, – сказал задумчиво Гринчук.

Атаман.

Странно. Их пути пока особо не пересекались. Парни Атамана работали по девочкам и бильярдным, немного промышляли наркотой. Причем, когда Гринчук еще был райотдельским опером, Атаман в его зоне не шустрил, а после того, как Гринчук приобрел свой нынешний статус, Атаман мог заинтересовать Гринчука только в особых случаях. В таких вот, как этот.

Итак, подумал Гринчук, предположим, что старый изможденный опер не засек сзади машину, остановился на перекрестке и получил удар в задницу, как последний лох. Обидно. Естественно, всякий водитель пойдет разбираться с козлом, который не держит дистанцию. А тут три обормота начинают гнать волну, и нести ахинею о том, что он их, типа, в натуре, конкретно подрезал. И вообще, не их это тачка, они на Атамана, то есть, Алексея Вадимовича Резникова работают. Дальше?

Два варианта – Гринчук лично отправляется к Атаману, либо назначает свиданку в нейтральном месте. Забывает, типа, стрелку. И там... Что?

Ладно, сказал себе Гринчук, посмотрим.

Сейчас Атаман должен кантоваться в бильярдной. Атаман был верен своим привычкам. Он был привычно недоверчив, привычно не любил конкурентов, но привычки нарушать свое слово не имел, за что его, в общем, уважали. С виноватыми расправлялся безжалостно, но при этом старался быть справедливым.

Особо высоко в своих профессиональных кругах он не лез, но свое место отстаивал крепко, соблюдая понятия и обычаи. Беспредела на своей территории не допускал, но и кровь его не останавливала. Если не было другого выхода.

Получалось, что Грыжу с компанией он послал потому, что не имел другого выхода. И это было странным.

Ладно, подумал Гринчук. Там посмотрим.

Основной базой Атамана была бильярдная в парке. Там он традиционно проводил большую часть своей жизни. Там же принимал гостей. Но мог и не принять.

На въезде в парк стояла «тойота». Первый пост. Гринчук притормозил и опустил тонированное стекло, чтобы охранники увидели его лицо. Лучше, чтобы Атамана предупредили заранее.

Метров через сто «джип» выехал на стоянку перед бильярдной. Гринчук остановил его возле атаманова «мерса». Заглушил двигатель.

От одноэтажного деревянного здания к машине подошел охранник. Крепкий парень, с лицом, не отягощенным особым гуманизмом.

– Чего нужно? – спросил охранник.

– Вообще-то, я думал, что мне нужно сегодня заняться некоторыми важными делами. Но после встречи с Грыжей и его компанией, я понял, что мне придется общаться с Атаманом. – Гринчук вежливо улыбнулся. – Но я совершенно не предполагал, что при этом мне нужно будет еще и с быками разговаривать.

На оскорбление охранник не отреагировал, что обнадеживало.

– Передай Атаману – приехал подполковник Гринчук. И этот самый подполковник Гринчук готов ждать не более двух минут.

Охранник оглянулся на здание.

– Время пошло, – напомнил Гринчук.

Охранник поправил что-то увесистое под курткой и пошел к бильярдной. Ровно через минуту он вышел и помахал рукой.

Гринчук с хрустом расправил плечи, достал из-под сидения пистолет, взвесил его на руке, словно прикидывая что-то, потом сунул оружие за спину, за пояс.

Вышел из машины, огляделся. Нажал кнопку на брелке.

«Джип» мигнул фарами, включая сигнализацию.

– И где хозяин? – спросил Гринчук, поднимаясь на крыльцо мимо охранника.

– В зале, – коротко ответил охранник.

Атаман действительно был в зале. Когда Гринчук вошел, Атаман как раз стоял, опершись на кий, задумчиво рассматривая шары на столе. Больше никого в зале не было.

– Типа, добрый день, – сказал Гринчук.

– День добрый, – ответил Атаман и обернулся к вошедшему.

Что-то в этом внешне спокойном лице было не так. Что-то... Гринчук подошел к столу.

Атаман руки не подал.

Умный Атаман, не хочет двусмысленности. Гринчук руку мог не пожать. А это ставило бы Атамана в неловкое положение в самом начале разговора.

– Сразу начнем разговор, или ритуал выполнять будем? – спросил Гринчук. – Типа, твои пацаны, блин, в натуре, наехали...

– Грыжа мне звонил, – сказал Атаман. – Не получилось у него...

В голосе Атамана прозвучала усталость и какая-то обреченность. Фатализм, что ли...

– По-другому думал, но что вышло, то вышло. Партию сыграем? – спросил Атаман.

– Не-а, – покачал головой Гринчук. – А то у нас получится как в кинухе «Место встречи изменить нельзя». А вы, господин Атаман, не Копченый, а я – не Жеглов. Так что...

Гринчук, словно извиняясь, развел руками.

– Тогда пошли присядем, – сказал Атаман.

И снова в его голосе прозвучала обреченность.

В зале было довольно темно. Свет горел только над столом, возле которого стоял Атаман и над столиком с двумя креслами в углу зала.

К столику Атаман и пошел. Сел в одно из кресел и молча указал Гринчуку на другое.

Гринчук сел.

– М-да... – выдохнул, помолчав, Атаман. – Странная штука – жизнь. Цепляешься за нее, пинаешь других, зубами рвешь врагов, а потом оказывается, что все это фигня. И жизнь – фигня. И ты. И все на свете – фигня.

– Очень точно подмечено, – кивнул Гринчук.

– Не надо, – сказал Атаман.

– Что не надо?

– Вот этого вот, не надо.

Атаман посмотрел в лицо Гринчуку, и тот вдруг понял, что именно не так. У Атамана были мертвые глаза. Они словно подернулись пылью.

И Гринчук спросил серьезно:

– Что случилось?

– Не знаю, – сказал Атаман. – Честно – не знаю.

Гринчук молча ждал. Молчал и Атаман.

В зале было тихо и сумрачно. Через секунду у Гринчука возникло ощущение, что и за стенами этого зала все стало таким же гулким и мрачным.

– Мне нужно было с тобой переговорить, – сказал Атаман.

Обычно в таких случаях Гринчук прерывал собеседника и напоминал, что они не пасли вместе свиней, и что на «ты» он переходить даже и не собирался. Но было в голосе Атамана что-то такое, что остановило Гринчука.

– Хотел, чтобы пацаны, вроде как случайно с тобой пересеклись, и чтобы ты сам решил со мной связаться, чтобы не я за тобой послал, а ты сам на меня вышел. Чтобы он не понял...

Атаман снова замолчал, задумался о чем-то на минуту и покачал головой.

– Не получилось... Ну и ладно.

– Можно сказать, что я зацепил твоих орлов за драку в машине. А потом на меня кинулся этот ваш новенький, – предложил Гринчук.

– Слива, – сказал Атаман и махнул рукой. – Хрен с ним. Приехал и приехал. Не думаю, что он станет это выяснять. Теперь это уже и не важно.

– Кто он? – спросил Гринчук.

Пауза.

Что-то скрипнуло в темном углу. Гринчук оглянулся на звук, но там ничего не было. Просто разохшаяся половица.

– Ты Мастера знаешь? – спросил Атаман.

– Слышал, – ответил Гринчук.

Не слышать о Мастере Гринчук, естественно, не мог, хотя для большинства жителей города кличка эта ничего особого не значила.

Авторитетнее Мастера в городе человека не было. Мастер знал все, что происходило в городе. Мастер знал всех. Он был для таких как Атаман воплощением закона. Мастер, естественно, не мог пойти против общего решения, но и общее решение очень редко противоречило мнению Мастера. Одного слова Мастера было достаточно, чтобы прекратить разборки. И одного слова Мастера хватало, чтобы поднять человека на самый верх или смешать его с грязью.

– Я слышал о Мастере, – повторил Гринчук.

– А лично ты с ним сталкивался? – спросил Атаман.

– Не доводилось.

– А я... Я с ним хорошо знаком. Очень. Он мне помог. Когда-то. Подписался за меня. И дальше... – голос Атамана стал совсем хриплым. – Как отец. Честно, без понтов. Если бы не он...

Атаман провел рукой по лицу, и Гринчук заметил, что пальцы у того дрожат. И зрелище это было настолько странным и неприятным, что Гринчук отвел глаза.

– Я за него был готов... Подохнуть за него я был готов, вот что, – выдохнул Атаман.

– Был готов, – тихо повторил Гринчук.

– Да, был. Был, – повысил голос Атаман. – До прошлого лета. Даже до октября. А потом... Атаман ударил кулаком по столу.

– И что случилось в сентябре? – спросил Гринчук.

– А ничего как бы и не случилось. В кои веки решил Мастер отдохнуть. Съездить на курорт. Я еще его уговаривал, – Атаман втянул воздух сквозь зубы, зашипев, словно от боли. – Он поехал. Ты бывал в Приморске?

– Нет.

– Хороший городок. Красивый. Я и сам там был лет пятнадцать назад. Море, крепость, горы...

Атаман потер руки, потом постучал пальцами по столу. Руки словно пытались спрятаться от чего-то страшного, но не могли найти убежища. И страх гнал их с места на место.

– Мастер поехал. На месяц. Но вернулся через три недели, и... – Мастер сцепил руки и спрятал их под стол.

Его словно бил озноб.

Голос чуть вибрировал, словно Атаман балансировал на самом краю лихорадки.

– И вернулся... – Атаман поднес руки к лицу, словно пытался что-то рассмотреть на своих ладонях, потом руки сжались в кулаки и с грохотом обрушились на стол. – Не он это приехал! Не он! Не он!

Удары становились все сильнее, и Гринчуку показалось, что дубовая столешница сейчас не выдержит и лопнет под этими ударами. Но Атаман вдруг замер. И когда заговорил снова, голос стал уже почти нормальным.

– Нет, это был он, Мастер. Только... Я не сразу это заметил. Он стал вести себя иначе... Будто... Ну, как бы он стал нас бояться, что ли. Типа, мы его могли заразить чем-то. Не подавал руки. В одиночку ел. Мы даже поначалу смеялись, что он боится отравы... Потом все пришло в норму. Почти... С ним, понимаешь, ездили трое наших. Водила и двое ребят на подхвате. Он их на следующий день, после того как вернулся, отправил по делам на Север. И...

Пальцы на руках Атамана снова зашевелились, будто жили своей, собственной жизнью. Словно испуганные черви, подумал Гринчук.

– Они не вернулись. Авария. Ночью на трассе в лоб с «КрАЗом». Все трое погибли на месте. Я бы и внимания не обратил... Да и не обратил я внимания тогда, только потом... когда начал думать... Я почему сказал, что не он вернулся... Изменился он. Сильно. Даже поведение... Замрет иногда, словно в столбняке, а потом вздрогнет, будто увидел чего и... Он отдал Юго-Западный рынок пришлым, ввязался в разборку с Абреком, хотя у нас никогда с ним не было проблем. И сам ничего он не получил с той разборки. Двое наших попытались... Это... поговорить только с ним. Так он даже ни с кем не посоветовался. Убрали обоих. Самых доверенных.

Гринчук кивнул. Он сам удивлялся месяца три назад, пытаясь понять, что могло стоять жизни двум людям из близкого окружения Мастера.

– И я стал думать, почему их. Почему именно их, ведь они были с ним почти с самого начала. А потом понял – потому, что они его знали лучше остальных. Они могли понять, что его подменили. Они... И я.

Атаман судорожно вздохнул.

– Подменили. Или загипнотизировали... Не знаю... Не знаю... Там в Приморске с ним что-то сделали. Опоили... Заколдовали. Не знаю...

Атаман встал с кресла и прошелся по залу. Вернулся в кресло.

– Что, с ума сошел Атаман? Рехнулся? Что думаешь?

– Не знаю, – сказал Гринчук. – А у него ты...

– Двое попытались... А я жить хочу. Хочу жить.

– Жить все хотят, – сказал Гринчук. – Даже я.

Атаман нервно засмеялся.

– Помоги, – сказал, отсмеявшись, Атаман.

– В чем? – спросил Гринчук. – И почему я?

Снова скрипнула половица.

– Я только одному человеку рассказал об этом. По телефону. Он мне позвонил, а я ему рассказал. И он мне посоветовал...

– Это кто?

– Гиря. Помнишь Гирю?

Гринчук невесело улыбнулся:

– Помню. И что?

– Гиря сказал, что ты сможешь помочь. Если захочешь. И еще сказал, что он тебе помог перед своим отъездом. И просит этот долг отдать мне.

Теперь засмеялся Гринчук.

– А нету никакого долга. Нету. И Гиря это сам прекрасно помнит. Я его должен был казнить еще прошлым летом, когда он взорвал машину перед казино. Помнишь, сколько там народу погибло? И я его не убил. Знаешь почему? Я и сам не знаю. Потом он мне действительно помог... Выбора не было. А я ему ничего не должен.

– Тогда просто помоги, – сказал Атаман. – Хочешь – заплачу. Хотя...

– Что?

– Слышал я про твои миллионы. Или врут люди?

Гринчук промолчал.

– Не врут, – улыбнулся Атаман. – И выходит, и заплатить я тебе не могу...

– При чем здесь миллионы? Что, кто-то тебе сказал, что я брал взятки или принимал заказы от братвы? – бровь Гринчука саркастически изогнулась.

– Не брал, – покачал головой Атаман. – Я не знаю, как тебя просить.

Гринчук промолчал.

– Понимаешь, я бы, наверное, стерпелся и с этим Мастером, с новым. Только... Неделию назад он мне сказал... Езжай, говорит, летом в Приморск. Обязательно езжай. Я, было, в шутку перевел, типа, не люблю моря, а он... Изменился в лице и говорит... Говорит, что не мне решать. Либо я еду туда, либо... Понимаешь? Поеду туда – меня там тоже подменят. Останусь – тут похоронят. Помоги, Зеленый. Прошу тебя, как человека, не как мента – помоги.

– Что я могу сделать? – раздельно произнося слова, спросил Гринчук. – Уничтожить Приморск? Взорвать его к едреней фене? Или замочить Мастера? Что?

Атаман тяжело вздохнул, словно перед прыжком в воду.

– Говорят, ты слово знаешь.

– Что? – удивленно переспросил Гринчук.

– Твой Михаил, этот, старлей твой, – Атаман провел рукой по волосам и откашлялся. – Он же тоже был... как это... загнипнотизированный. Это ж он тогда, после взрыва возле казино разбирался с... сколько он тогда положил народу? Он тогда за этих бомжей подписался, за Крыс... Разное о нем говорят... но еще говорят, что ты можешь его остановить, если... это... в голове у него снова включается... Ты слово знаешь. Ведь знаешь?

– Знаю, – помолчав, кивнул Гринчук. – Но оно только для Михаила. Он... Впрочем, это не важно, что там с ним на самом деле. Тебе это не поможет. И Мастеру – тоже.

– Но ты откуда-то слово узнал? – почти шепотом спросил Атаман. – Ведь узнал. Спроси там и для меня. Для Мастера. А я... Я все что угодно... Я...

Лицо Атамана искривилось, будто он собирался заплакать. Или он на самом деле с трудом сдерживал слезы?

– Знаешь, Атаман, – сказал Гринчук, – я ни с кем этого не обсуждал. И не собираюсь. Михаил... С ним работали несколько лет. Была целая программа, государственная. Создавали суперсолдат. И ее прикрыли. Михаил уцелел случайно. Твой Мастер не может иметь к этому никакого отношения. Тебе просто...

– Показалось? Показалось? – Атаман снова вскочил с кресла. – Ты ничего не понял, мент. Это ж не только мне концы будут. Он же всех туда свозит, в Приморск этот проклятый. По одному. Вначале – меня и других наших. А потом... ты думаешь, мало у него ментов на зарплате?

– Много.

– А если он вначале отправит одного мента отдохнуть за свой счет? А потом тот отвезет в Приморск другого? Или просто отправит, как вот меня Мастер отправляет? И подменят ваших ментов... А потом...

Атаман вытер с лица пот.

– Не боишься?

– Нет, – сказал Гринчук, и почувствовал, как все внутри напряглось.

Он не боится. Этот бред Атамана, явно обкурившегося или просто допившегося до белой горячки не может произвести на него, подполковника Гринчука, такое впечатление. Не может. Детские лепет о чудовищах и вампирах. Атаман, правда, верит.

– Не боюсь, – с нажимом повторил Гринчук.

– Жаль, – сказал Атаман. – Жаль.

– Ничем не могу помочь, – сказал Гринчук, вставая.

Он почувствовал, что ему нужно, жизненно важно разорвать сейчас эту паутину и выйти на солнце. Прийти в себя и забыть весь этот бред, в котором смешались страх Атамана, его ненависть к Мастеру и кошмар, в котором приходится жить Михаилу.

И непонятно, откуда просочилась к Атаману правда о Михаиле. С этим нужно разобратся. Но потом. А сейчас... Сейчас нужно просто выйти на улицу.

Подал голос телефон в кармане. Гринчук посмотрел на номер, высветившийся на телефоне. Михаил.

Открылась дверь в зал. На пороге появился силуэт.

Поднося телефон к уху, Гринчук заметил, как силуэт в дверях делает странное движение. И услышал, как лязгнул металл о металл. Очень характерно. Услышав раз, как взводится автомат, уже не спутаешь это звук ни с одним другим.

– На пол! – уже в прыжке выкрикнул Гринчук.

Атаман только обернулся к двери. Он отвык выполнять команды.

Гринчук упал, перекатился подальше от света, в тень.

Ударил автомат.

Пунктир трассирующих пуль стремительно соединил два силуэта – того, что в дверях, и Атамана, все еще стоящего в освещенном кругу возле столика.

Выстрелы разом заполнил весь зал, смешав все звуки в один грохочущий ком. И ком этот катался по залу, сминая все на своем пути. И словно искры из-под точильного камня, вылетали из-под него горящие пули.

Разлетелась лампа за спиной у Атамана.

Светильник над бильярдом продолжал освещать стол и отбрасывать свет в стороны. И Гринчук увидел, как огоньки пуль, прошивая тело Атамана не гаснут, а яростными огоньками впиваются в стены.

И еще увидел Гринчук, что огненный пунктир двигается в его сторону, пытаясь нащупать, пытаясь выдернуть его из спасительного мрака.

Гринчук выхватил пистолет. Сдвинул флажок предохранителя. Носить пистолет с патроном в стволе запрещалось всеми инструкциями. Но он всегда относился к инструкциям без уважения.

Выстрел. Еще раз.

Гринчук не видел мушки, поэтому никак не мог толком прицелиться. Еще выстрел.

Автоматные пули торопились на встречу с Гринчуком, перепрыгивая с одного бильярдного стола на другой, распарывая сукно и смачно выплевывая щепки.

Тишина наступила внезапно. Гринчук не сразу поверил этому.

В автоматном магазине закончились патроны.

Силуэт в дверях шевелился, перезаряжая автомат. Гринчук не стал раздумывать, почему стрелок не укрылся за дверью. Гринчук просто выпрямился во весь рост и, повернувшись как в тире, к мишени правым боком, трижды выстрелил.

Элементарное стрелковое упражнение – три пули в ростовую мишень. В тире – с двадцати пяти метров. Здесь было метров пятнадцать.

Бах! Мишень качнулась. Прицел чуть ниже, чтобы скомпенсировать бросок первого выстрела. Бах! Мишень развернуло и ударило о стену. Бах! Мишень исчезла, неуклюже скользя по стене куда-то назад, за пределы освещенного прямоугольника двери.

Подполковник Гринчук стрельбу закончил.

В голове гудело. Поэтому Гринчук не сразу разобрал, что его зовут.

Гринчук вздрогнул, но потом понял, что это не Атаман. Это Михаил. Пришел Михаил, и это значило, что можно вздохнуть спокойно.

– Юрий Иванович! – позвал от дверей Михаил.

– Да, Миша, – ответил Гринчук.

– У вас все в порядке?

Все ли у него в порядке? На Гринчука вдруг накатила слабость. Твою мать, пробормотал Гринчук и оперся о бильярдный стол. Что это с ним?

Гринчук посмотрел в сторону двери. Вздрогнул, когда увидел, что в ней появился новый силуэт. Это Михаил, сказал себе Гринчук.

– Миша, ты?

– Я, – сказал Михаил.

– Там где-то возле входа – выключатель, – попросил Гринчук.

Через пару секунд вспыхнул верхний свет.

Гринчук оторвался от стола, сделал несколько шагов.

Атаман лежал на спине. Глаза были открыты. И в них был все тот же ужас. И они все также были припорошены пылью.

Гринчук с некоторым удивлением посмотрел на свою правую руку. Пистолет. Он его все еще держит в руке.

Механически поставив пистолет на предохранитель, Гринчук сунул его за пояс. Тут все нормально.

Гринчук прошел через зал, между столами к двери. Михаил вышел. Осматривает местность, понял Гринчук. Не доходя до двери, Гринчук остановился. Его телефон. Где-то он его выронил.

В зале кисло пахло сгоревшим порохом. Резало глаза.

Телефон лежал на полу, возле самой стены. И, кажется, не пострадал. Гринчук покрутил его в руке, хотел было сунуть его в карман, но спохватился и набрал номер:

– Это Гринчук. Да, подполковник. Высылайте группу к бильярдной в парке. В центральном. Да. Замочили Атамана. Я уже здесь. Жду.

Вот теперь телефон можно было спрятать.

Гринчук еще раз мельком взглянул на Атамана. Вот и все.

– Не долго музыка играла, – сказал Гринчук.

Атаман боялся, что его подменят. Заколдуют. А оказалось, что его просто застрелили. Как сотни крутых пацанов до него. И как замочат еще тысячи после. Профессиональный риск. Ладно.

Гринчук потоптался на месте.

Да что это с ним? Не первый раз под пулями. И не первый раз приходится видеть покойника. Бывали зрелища и похуже.

Гринчук глубоко вздохнул и выдохнул. Еще раз оглядел зал. Не хватало, чтобы от трасера здесь начался пожар. И, кстати, зачем убийца использовал трассирующие пули? Понта ради?

Убийца.

Вот в чем дело, понял вдруг Гринчук и даже усмехнулся, такой странной показалась мысль. Он, подполковник Гринчук, только что убил человека. Ведь убил же.

И сейчас стоит тут, топчется между бильярдных столов только для того, чтобы оттянуть это свидание. Встречу с человеком, которого убил.

Убил.

Глупое состояние. Он ведь не просто так застрелил первого встречного. Он ведь убил защищаясь. Если бы не он, то его. Простой до банальности расклад.

Гринчук пошел к двери. Медленно пошел.

Автомат лежал на пороге. Уже с подсоединенным магазином. Пустой магазин валялся тут же, рядом. Выходило, что Гринчук успел в последнюю секунду. Но легче от этого не стало.

Убитый лежал на боку, неловко припав спиной к стене.

Молодой парень. Лет двадцати пяти. Кожаные перчатки. Джинсовая куртка. Пробита в двух местах на груди.

Еще одна пуля ударила в лицо. Чуть пониже левого глаза.

Все три пули в мишени, подумал Гринчук. Пять баллов за упражнение.

Кровавый мазок тянулся с высоты человеческого роста и до пола. Так что выходило, что бедняга получил первую пулю в голову. Вторую и третью можно было сэкономить.

Кровь густо текла из-под головы.

Гринчук вдруг поймал себя на том, что вытирает правую руку о свои джинсы. Словно пытается стереть грязь. Кровь.

Чушь. Не стоит так переживать. В конце концов – это не первый убитый Гринчуком человек. Второй. Первый был уже лет семь назад, когда... Гринчук тряхнул головой. Это воспоминание не относилось к разряду любимых.

На улицу, приказал себе Гринчук. Просто выйти на свежий воздух и убедиться, что солнце светит, и птички поют. И что кровью и порохом пахнет только здесь, в бильярдной.

В коридоре, перед самым выходом на крыльцо, лежал еще один труп. Лежал он лицом вниз, вытянув вперед руки. В полуметре от правой руки лежал пистолет.

Пуля явно вошла в затылок.

Гринчук осторожно обошел тело и вышел на крыльцо. Михаил стоял чуть в стороне, стоял спокойно, и Гринчук не сразу обратил на него внимание. Сразу в глаза бросилось еще одно тело – давешнего охранника. Он оружия так и не вынул.

Кроме машины Гринчука и Атамана на площадке перед бильярдной стояла выдавшая виды «БМВ». Открыты обе правые дверцы. Стрелки, по-видимому, выпрыгнули из машины быстро, положили из пистолета с глушителем охранника, который по привычке сунулся выяснять, кто именно приехал. А потом...

Гринчук подошел ближе. Стекло в дверце со стороны водителя было пробито. Сам водитель запрокинулся на правый бок. Гринчук мысленно провел линию выстрела и только тогда заметил за кустом «опель» Михаила.

Понятно. Гринчук тяжело вздохнул. Михаил опоздал самую малость. Если бы он приехал хотя бы минут на пять раньше. Или даже на минуту... У ребят из «БМВ» не было бы шансов. Был бы жив Атаман, а Гринчуку не пришлось бы никого убивать.

А так...

Вначале подъехала «БМВ», пристрелили охранника. Двое побежали к зданию. Один, с пистолетом, остался на крыльце, типа, прикрыть, а второй, с автоматом, отправился за Атаманом. И тут появился Михаил.

Машина с открытыми дверцами, труп, вооруженный тип на крыльце... И машина Гринчука перед зданием. Михаил раздумывать не стал.

Вначале – водитель. Тип на крыльце замечает опасность и бросается вовнутрь, но пуля догоняет его и сокрушительным подзатыльником бросает на пол. Выстрела в бильярдной не слышно, Михаил это понимает, поэтому на ходу посылает вызов Гринчуку на мобильник.

Но... Маловато шансов было у Гринчука уцелеть. И все-таки...

Поздравляю, сказал себе Гринчук. И вежливо ответил – спасибо. Большое спасибо вам, гражданин подполковник, зато, что вы остались живы. Большое...

Михаил. Что-то оборвалось внутри у Гринчука. Лишь бы...

Гринчук обернулся к Михаилу. Тот продолжал стоять возле крыльца. Неподвижно. Словно манекен.

Ты слово знаешь, сказал Атаман. Если у твоего старлея снова в голове...

Не надо, мысленно попросил Гринчук. Не нужно этого.

Михаил смотрел прямо перед собой. На ствол сосны метрах в трех. Словно увидел что-то важное. И Гринчуку показалось, что губы Михаила шевелятся. Будто он разговаривает с кем-то. Или даже не разговаривает, а словно повторяет что-то про себя, что-то очень важное, чего нельзя забыть.

Гринчук осторожно подошел к Михаилу. Медленно протянул руку и коснулся его плеча. Осторожно. Если у Михаила снова началось ЭТО... Лучше его не провоцировать резкими движениями.

– Миша, – тихо позвал Гринчук.

– Да, – словно сбрасывая дремоту, обернулся Михаил.

Вроде бы все нормально, подумал Гринчук, заглянув в его глаза. Вроде бы...

– Все нормально? – спросил Гринчук.

– Да.

– Точно?

Михаил улыбнулся:

– Все нормально. Просто я...

Михаил сделал паузу, словно подбирая нужное слово.

– Я не люблю убивать. Даже если это и нужно.

– Я знаю, – тихо сказал Гринчук.

Михаил продолжал улыбаться. Гринчуку вдруг показалось, что Михаил просто не может согнать со своего лица улыбку. Что это не улыбка даже, а нервный тик. Гримаса.

– Мишка, – позвал Гринчук.

– Да, Юрий Иванович.

– У тебя все НОРМАЛЬНО? Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивнул Михаил. – Это не срыв. Я не сорвался. Правда. Неприятно стало. Как тошнота. Стоял и успокаивался. Честно.

Улыбка, наконец, ушла с его лица.

– Хорошо, – тихо сказал Гринчук, отворачиваясь.

Может быть – это действительно нормальная человеческая реакция, а не признак грядущего срыва..

Гринчук взглянул на часы. Пора бы группе и приехать. Совсем службу завалили.

– Миша, будь другом, – попросил Гринчук, – позвони Братку, скажи, что мы задержимся.

Гринчук еще раз оглянулся на «БМВ». Открытые дверцы, мертвый водитель. Водитель. Черт.

Стараясь не суетиться, Гринчук подошел к «БМВ». Вначале глянул через стекло с дыркой от пули, потом обошел машину.

Гринчук оглянулся на Михаила. Тот что-то говорил в телефон. И лицо уже снова приобрело нормальный цвет. Пугающая бледность исчезла.

Гринчук снова взглянул на часы. С минуту на минуту должны были появиться парни из дежурной группы. Они осмотрят здесь все, зафиксируют все на бумаге суконным протокольным языком, который, при всем его идиотизме, имеет одно важное качество – однозначность.

Послышался звук милицейской сирены.

Михаил закончил разговор и спрятал телефон в карман. Гринчук отошел от машины. И тут лицо словно обдало жаром. В него только что стреляли. И он только что убил человека. Это в кино менты мочат супостатов десятками, а потом спокойно рассуждают на темы закона и правопорядка.

Гринчук посмотрел на свои руки. Тело казалось пустым. Мир вокруг слегка покачивался.

Сирена приблизилась.

Когда дежурная машина подъехала к бильярдной, Гринчук уже сидел на деревянной лавочке возле крыльца. Руки он держал в карманах куртки. Не за чем посторонним видеть, что у него дрожат пальцы.

– Привет, – вылезая из машины, сказал следователь из райотдела. – А говорили, что только один жмур.

– Тут двое, один сразу за порогом, один дальше по коридору, а уж в зале – сам Атаман.

Из дежурной машины выбрался кинолог с собакой. Пес, не реагируя на покойников, заинтересованно потянулся к ближайшей сосне. Кинолог не возражал. Он только обернулся к следователю и поинтересовался, что нужно его псине искать.

Следователь посмотрел на Гринчука. Тот развел руками:

– Извините, ребята, по моим сведениям никто никуда не убежал. А если вам необходимо, чтобы кобель кого-нибудь обнюхал – пусть он обнюхает меня. Я до сих пор не уверен, что у меня чистое белье.

– Кстати, – спохватился вдруг Гринчук. – Вы когда въезжали в парк, рыжую «тойоту» видели?

– Ну, – кивнул следователь. – Стояла вроде бы.

– Тогда сгоняй туда своего опера, – посоветовал Гринчук. – Сдается мне, что и там ты обнаружишь одного, а то и двух покойников.

– Миша! – окликнул Гринчук. – Ты когда ехал сюда, «тойоту» видел?

– Да.

– А людей в ней?

Михаил задумался. Потом кивнул:

– Да, сидели двое. Кажется...

Михаил снова кивнул. На этот раз уже увереннее.

– Двое убитых. Извините, Юрий Иванович, я тогда не разобрал.

Следователь наклонился к дверце дежурной машины и что-то сказал. Машина уехала.

– Повезло тебе, – сказал Гринчук следователю. – Такое интересное дело подвернулось. Просто шикарное. Карьеру сделаешь...

– Ни хрена, – помотал головой следователь. – Мы тут сейчас звякнем в прокуратуру. А еще к организованным преступникам – вот они пусть такое... это... резонансное преступление и разматывают. А на мне висит загадочное ограбление пивного ларька. Кстати...

Следователь посмотрел на Гринчука немного озадачено:

– А как вас сюда занесло.

– В гости приехали, – сказал Гринчук.

– Убийц, часом, не видели?

– А как же. Обязательно, – Гринчук встал со скамейки и потянулся. – Продиктовать паспортные данные?

Следователь недоверчиво усмехнулся.

– Так диктовать? – снова спросил Гринчук.

– Давай, – следователь достал из портфеля блокнот.

– Значит так, – Гринчук прошелся перед лавочкой, словно собираясь читать диктант. – Того пацана, что с автоматом, замочил лично Гринчук Юрий Иванович, тридцать семь лет, подполковник милиции.

Следователь перестал писать и вопросительно посмотрел на Гринчука.

– Чего уставился? – спросил Гринчук. – А водителя и того, что возле входа, Миша мой пристрелил. С остальными вы и сами разберетесь. Атамана, значит, автоматчик, а охранника, кажется, вот тот хмырь с пистолетом.

– Знаешь, что я тебе скажу, Гринчук? – спросил следователь.

– Что? – спросил Гринчук.

– Задолбаешься ты бумаги писать.

Гринчук огляделся по сторонам и тяжело вздохнул. Спорить тут не приходилось. Но самым важным было успеть предупредить Михаила, что стрелял он в вооруженного водителя. После того, как увидел, что тот в него целится.

Скоро здесь будет очень людно, подумал Гринчук. Часа так через полтора.

Гринчук ошибся на тридцать минут. Уже через час возле бильярдной толклось несколько десятков человек. Чем громче преступление – тем больше народу по этому поводу начинает суетиться. Некоторые полагают, что это для лучшей работы. Гринчук всегда считал, что это для распределения ответственности на большее количество голов.

Глава 2

Говорят, что в свое время американцы подсчитали – средняя продолжительность жизни лейтенанта морской пехоты во время войны во Вьетнаме составляла шестнадцать минут. Сколько именно, в среднем, живут конкретные пацаны – никто особо не считал. Но вряд ли дольше чем американские лейтенанты.

Сколько их попадает в морг по итогам разборок или просто после дружеских попоек знают только их друзья и милицмейские протоколы. Если добавить к этому числу тех, кто умирает от туберкулеза, подхваченного на зоне, от наркоты или еще от чего, то получается, что пацаны, конкретно, идут в атаку на пулеметы. Пулеметы косят их сотнями, а до командных высот дотягивают, типа становятся полковниками, единицы.

А, дотянув, единицы эти обнаруживают, что жизнь не становится безопаснее. Свои коллеги норовят отправить в мир иной, а тут еще и пехота снизу поджигает, норовит освободить для себя местечко потеплее.

Да и сами полковники не слишком жаждут сохранения статуса кво. Есть еще генеральские места. Вот и суетятся люди, стараясь удержать в узде нижестоящих, обойти равных по званию и подсидеть старшего. В общем, ситуация совершенно обычная. Карьера есть карьера, а то, что некоторые ее делают с применением оружия – особо ничего не меняет. Разве что...

Вот, к примеру, если второй вице-премьер подсидит первого вице-премьера – тут все понятно. Посудачат в газетах и телевизоре, а потом замолчат. До следующей перестановки. В конце концов, не исключено, что потерявший должность первый вице– через пару лет вернет себе пост, а то и вообще станет премьером.

У людей авторитетных все не так.

Тут если теряют должность или звание, то вместе с жизнью. Что, естественно, полностью исключает возможность возвращения к деятельности. Кроме этого, устранение одного авторитета очень часто влечет за собой конкретный передел рынка криминальных услуг. И в этом случае все хотят знать, кто затеял этот передел.

На всякий случай.

Во-первых, человек, который вот так, просто, не обращая внимания на мнение других авторитетов, отправляет на тот свет коллегу, остальными коллегами одобряется далеко не всегда. Во-вторых, если кто-то взял себе моду отстреливать уважаемых людей, то он может и дальше вести себя столь же недостойным образом. А это нервирует. Ну, и, в-третьих, зная, кто именно убрал авторитета, можно попытаться извлечь из этого максимум пользы.

Со своей стороны, органы, которые принято называть правоохранительными, также норовят выяснить, кто же начал стрельбу, или, там, взрывы. Это позволяет понять: готовится война, или это просто отсев проигравших. Во втором случае, можно особо не суетиться, а вот в первом иногда приходится надавить.

В случае с Атаманом беспокоиться начали все.

Как в коммунальной квартире жутких социалистических времен. Когда становилось известно, что кто-то освобождает комнату, все сразу же начинали плести интриги, чтобы эту комнату заполучить себе.

Территория Атамана была лакомым куском. Нужно было только выяснить – почему она освободилась. Если Атамана убирал кто-то из авторитетов, то нашел он уже кого-то на это место или нет? Если убрал кто-то снизу, то насколько он подготовил свое вхождение во власть.

Уже через пару часов после смерти Атамана город кишел слухами и предположениями. И практически все заинтересованные лица ломали головы – кто заказал Атамана. Версии высказывались самые разнообразные.

В отдельном кабинете «Космоса» – самого популярного среди конкретных пацанов ресторана – уже через три часа после гибели Атамана состоялось небольшое совещание особо уважаемых лиц.

Мастер, председательствовавший на собрании, вначале предложил всем помянуть Атамана, а потом, после минуты молчания, вслух воспроизвел интересующий всех вопрос – какая сука замочила Атамана. И вопрос остался без ответа.

К тому моменту уже было известно, что трое убийц были приезжими, что в городе их никто не знал, а в тех краях, откуда пожаловали гастролеры, у Атамана интересов не было.

– Жаль, что никого не взяли живым, – сказал Абрек, слывший большим специалистом по развязыванию языков.

Все молча согласились. Действительно, жаль. Живой киллер рассказал бы хоть что-то. Если бы не вмешательство Зеленого...

Эта мысль придала разговору несколько другую тональность и направление. А что там делал Зеленый? Да еще не один, а со своим странным помощником.

Мастер по этому поводу не высказал ни каких предположений, а вот один из его близких товарищей вдруг сказал:

– А если это мент?

Действительно, подумали почти все собравшиеся, а вдруг это мент. Атаман никогда не был замечен в общении с ментами, а Гринчука никогда не замечали в особой дружбе с уголовниками. Те немногие из собравшихся в кабинете, кто мог бы похвастаться близким знакомством с Гринчуком, обычно этим не хвастались и вообще старались это забыть как можно быстрее.

С другой стороны, Гринчук не в свое дело вмешивался редко, но если вмешивался, то по итогам честно и вслух заявлял, что это он, Гринчук, здесь работал.

– Поговорить бы с Зеленым, – неуверенно сказал Абрек.

Особого восторга предложение не вызвало.

– Может, сам сходишь? – спросил Краз.

Абрек отвел взгляд.

После минутной паузы слово взял Мастер.

Он, вначале, еще раз подчеркнул, что потеря Атамана – невосполнима. Что без Атамана лично ему, Мастеру, будет трудно жить. Что теперь встанет вопрос о том, кто заберет себе территорию Атамана. И что он, Мастер, предлагает сейчас никому туда не лезть, чтобы не вызвать подозрения в свой адрес.

Все кивнули.

Далее Мастер предложил всем вместе поискать заказчика убийства. Единогласно. Затем, тяжело вздохнув, Мастер заявил, что лично поговорит с подполковником Гринчуком. И результаты доложит обществу. Он, Мастер, надеется, что мент, как бы высоко он не взлетел, не откажется отвечать на вопросы. Иначе...

Что именно «иначе» Мастер не объяснял, поэтому каждый из совещающихся мог предположить свое. Хотя, если честно, почти все мысленно пожелали, чтобы Зеленый был здесь не замешан. Потому что, если уж Зеленый взялся за прополку их рядов, то тут нужно было сильно подумать, а не примкнуть ли к нему. И хотя мысль эта была очень уж экзотической и необычной, но минимум пятеро из собравшихся решили, на всякий случай, улучшить свои отношения с Зеленым.

Если бы в этот момент Зеленый узнал о таких мыслях, то, возможно, это улучшило бы ему настроение. А так Гринчук писал бумаги и отвечал на вопросы, которые лично он считал идиотскими.

– Его пацаны чуть не протаранили мою машину, – в который раз рассказывал Гринчук. – Толком ничего объяснить не смогли и даже устроили между собой драку в моем присутствии.

Я поехал поговорить с Атаманом, но ничего обсудить не успел. Появился стрелок, завязалась перестрелка. Все.

– Все? – переспросили у Гринчука.

– Все, – с честным выражением лица подтвердил Гринчук.

– А зачем вызвали туда своего подчиненного?

– А вы бы поехали туда один? – спросил в ответ Гринчук.

Начальник, расспрашивавший Гринчука, на вопрос не ответил, но стал выяснять, что же именно связывало подполковника милиции с уголовником. И заодно попытался разобраться, почему сотрудники милиции не предприняли попытку задержать хотя бы одного из нападавших.

В ответ на это Гринчук хмыкнул так красноречиво, что начальник перевел разговор на подробности. Кто и где стоял. Что делал и что видел.

Гринчук отвечал на вопросы. Михаил отвечал на вопросы. А Браток в это время старался не материться вслух.

Прапорщика Бортнева, естественно, по поводу убийства Атамана не вызывали, но жизнь ему это облегчало не особо.

Еще вчера Браток и Гринчук договорились тихо разобраться с конфликтом в семье Лелюковых. Браток должен был поговорить с мадам Лелюковой о том, что нанимать ребят со стороны для нанесения своему супругу тяжких телесных повреждений – не только неприлично, но и незаконно. А Гринчук должен был объяснить господину Лелюкову, что хоть он и очень богатый и уважаемый человек, но вести себя ему нужно так, чтобы не было мучительно больно.

Теперь убийство этого самого гребаного Атамана ставило перед Братком практически неразрешимую задачу.

И посоветоваться было не с кем.

Браток сидел в кабинете Гринчука и обреченно поглядывал на часы. Приближалось время, когда чета Лелюковых должна была прибыть по вызову на собеседование. Когда вчера они оба получили приглашение от Гринчука, то поначалу даже продемонстрировали недоумение. Зачем? Может, не стоит? В конце концов, они достойные люди и не потерпят... Оказалось, потерпят. Для этого Гринчуку пришлось лишь сказать пару слов каждому из них.

И вот теперь...

Браток почесал висок. Еще можно было все отменить. Позвонить обоим засранцам, перенести все на завтра. Правда, Гринчук может неодобрительно покачать головой, выслушав лепет Братка, а Братку очень не хотелось вызывать неодобрение Юрия Ивановича. Браток слишком уважал Гринчука, чтобы расстраивать его из-за такой ерунды.

Из соседней комнаты послышался странный звук. Словно какой-то стон. Браток поморщился. С одной стороны, это было не очень изящно, с другой стороны – ничего лучшего Браток придумать не смог.

В дверь постучали.

– Входите, – сказал Браток.

Вошли муж и жена Лелюковы.

И чего им, придуркам, неймется, мысленно вздохнул Браток. Шикарная баба, ухоженная и холеная. Мужик – не урод. И судя по прикиду бабы и по тому, что о нем говорили разные люди, не жмот. И даже ведь почти не изменяют друг другу.

– Мы к Юрию Ивановичу, – сказал Лелюков.

Лелюкова еле заметно кивнула.

Браток мысленно досчитал до десяти, потом выдавил из себя улыбку и указал на кресла перед столом:

– Это... присаживайтесь.

– Господа, – добавил Браток, подумав.

Лелюков придвинул кресло супруге, подождал, пока она сядет, потом сел и сам, аккуратно поддернув брюки.

Лелюкова заложила ногу за ногу.

Классные ноги, подумал Браток и поспешно отвел взгляд.

– Нас пригласил Юрий Иванович, – сказал Лелюков.

И где ж он так загорал, подумал Браток. В этом, как его, в солярии, наверное.

Браток передвинул по столу лист бумаги.

– Это, – начал Браток. – Я, значит, прапорщик Бортнев. И ваше... э-э... дело, поручено мне.

Браток достал из кармана носовой платок и промокнул лоб. Блин, а ведь он еще и не начал разговор.

– Вы... это... – Браток достал из кармана ручку и помахал ее в воздухе, словно дирижируя. – Прекращайте вы это...

Лелюковы переглянулись.

– Что именно мы должны прекратить? – спросил муж.

Жена просто пожала плечами и достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку.

– Тут, это, курить нельзя, – сказал Браток.

Лелюкова снова пожала плечами, на этот раз – брезгливо, и сунула сигарету в рот.

Браток медленно встал из-за стола. Эта сигарета очень пришлась кстати. Сам Браток бросил курить сразу после замечания Гринчука и теперь испытывал к табачному дыму даже некоторое отвращение. Но не это главное. Эта стерва демонстрирует, что ей наплевать на Братка. Я ж тебе, подумал Браток и повторил:

– Тут курить нельзя.

Лелюкова щелкнула зажигалкой.

Она даже не успела толком испугаться, когда Браток вырвал сигарету из ее губ.

– Позвольте! – попыталась вскричать Лелюкова, но Браток отобрал у нее еще и зажигалку.

После чего вернулся на свое место.

– Я вас... – начала заводиться Лелюкова. – Да я...

Ее муж покосился на свою супругу, но в разговор вмешиваться не стал.

– Пасть закрой... – не задумываясь выпалил Браток и торопливо добавил, – ... те пожалуйста.

Лелюкова замерла с приоткрытым ртом. Ее глаза округлились.

– Да как вы... ты смеешь!

– А в этом кабинете вопросы задаю я! – вспомнил кстати фразу из фильма Браток и стукнул кулаком по столу. – И от меня зависит, уйдете вы отсюда сами, или вас уведут.

Или унесут, мысленно добавил Браток, в слух, однако столь решительный вариант не озвучив.

– Что значит уведут? – вмешался, наконец, Лелюков.

Вчерашние намеки Гринчука были прозрачны, но не слишком информативны. И касались они, большей частью, профессиональной деятельности Лелюкова. И из них не вытекало, что Лелюкова могут, как выразился этот недоразвитый прапорщик, «увести».

– Значит так, – сказал Браток и припечатал ладонь к столу. – Я сейчас буду говорить, вы будете молчать. Когда я закончу – можете задавать вопросы. А если попытаетесь перебивать...

Браток вспомнил одно из выражений Гринчука, которое показалось уместным именно сейчас, и сказал:

– Я человек простой, могу и в рыло дать.

И добавил, на всякий случай:

– Обоим.

Нельзя сказать, что супруги Лелюковы были покорены красноречием Братка, но внимание их он привлек несомненно.

– Значит так, – сказал Браток. – Нам стало известно, что гражданка Лелюкова вступила в преступный сговор с группой людей с целью нанести своему супругу телесные повреждения.

– Как вы сме... – взвизгнула Лелюкова, но замолчала, увидев выражение лица Братка.

– Пасть, – напомнил Браток.

Лелюкова бросила быстрый взгляд на супруга, снова достала из сумочки сигарету, сунула ее в рот и только тогда вспомнила, что зажигалки нет. Раздавленная сигарета полетела в сторону.

– Телесных повреждений, – повторил Браток. – Возможно – тяжких. Показания у нас есть.

– Спасибо, милая, – сказал Лелюков.

– Это подпадает под статью, – сказал Браток, – мы могли бы, конечно, дожидаться, пока... этот... преступный замысел будет исполнен, а потом посадить гражданку Лелюкову. Но...

– Спасибо вам большое, – почти серьезно сказал Лелюков. – Я полагаю, что вы вмешались вовремя.

– Ага, – кивнул Браток. – Но твоя ба... жена не стала бы этим заниматься, если бы ты...

Братку очень хотелось назвать Лелюкова как-нибудь конкретно, но он сдержался.

– Если бы, гражданин Лелюков, не изменял ей, своей супруге.

– Это мое дело, – сказал быстро Лелюков.

– Вот видишь, милый, – сказала его жена. – Ты мелкий, подлый и непорядочный человек.

Браток снова вытер лицо платком.

– Мерзавец! – выкрикнула Лелюкова и попыталась вскочить.

– Сидеть, – приказал Браток и добавил даже с некоторым удовольствием. – Сама налево ходишь!

Зависла пауза. Лелюкова словно поперхнулась, а ее муж медленно обернулся к ней. Его лицо выразило безграничное удивление:

– Ты мне изменяешь? С кем?

Зазвонил телефон на столе.

– Слушаю, – подняв трубку, сказал Браток.

– Это Мила. Я пытаюсь дозвониться до Юрия Ивановича, но у него выключен телефон.

Вы не могли бы...

– Хорошо, – быстро сказал Браток, – я передам.

И положил трубку.

– С кем? – повторил вопрос Лелюков.

– А вы ей с кем? – спросил Браток.

– Я? – замялся Лелюков.

– Вот и она с ней, – сказал Браток и облегченно вздохнул.

Самая трудная часть разговора позади. Оба супруга пребывали в одинаковой стадии изумления.

– С Ритой? – одновременно произнесли Лелюковы.

– С ней, – подтвердил Браток и кратко изложил супругам всю историю.

Жена их приятеля Рита умудрилась одновременно быть любовницей и мужа, и жены, но по отдельности. Обоим Лелюковым она пылко объяснялась в любви, и очень жалела обоих, потому что муж и жена, соответственно, не ценили своих жену и мужа. И обоим Рита подсказывала наиболее простые выходы из сложившейся ситуации.

Мужа, не ценящего такую жену, просто необходимо было наказать физически. Чтобы он ощутил ту боль, которую причиняет своей возвышенной и ранимой супруге. А неблагодарную

жену, естественно, нужно было держать в черном теле, чтобы она знала, кто ее хозяин и повелитель.

– Но зачем? – почти простонал Лелюков.

На заплаканном лице его супруги читался тот же вопрос.

– Значит, твоя ненормальная баба нанимает пацанов. Тебя лупцуют. Потом ты узнаешь, что это сделала она, и что? И ты, если тебя правильно накрутить, ее замочишь.

Лелюкова вздрогнула и посмотрела на мужа. Тот взгляд отвел.

– И тебя ловят. Ты уж поверь – Рита ваша любимая тебя бы и сдала. Так? Так, – сказал Браток удовлетворенным тоном. – И что получается?

– А что получается? – спросил Лелюков.

– А получается, что муж Риты остается в вашем общем бизнесе один. Типа – без конкурентов.

– Сука! – в один голос произнесли Лелюковы.

Все, изложенное прапорщиком, было настолько логичным и понятным, что верилось в это сразу.

– Я ее... – сказал Лелюков.

– А вот это уже фиг, – остановил его Браток. – Эта ваша разборка закончится туточки. И если мы узнаем, что с кем-то из всех вас что-то приключится – ой я вам не завидую, ребята. Понятно?

Лелюковы кивнули.

– Тады – свободны, – сказал Браток и указал на дверь.

Лелюковы встали с кресел.

– Я вам так скажу, – Браток удовлетворенно откинулся в кресле. – Трахайте вы кого хотите, хоть бобика, только калечить друг друга не нужно. И, это, запомните, начнете снова фигой заниматься – вас застучат. В смысле – заложут. Как этот раз.

Лелюковы молча вышли из кабинета.

– Ребенка себе заведите! – крикнул им вдогонку Браток. – А то беситесь с жиру.

Дверь кабинета закрылась.

Браток встал с кресла, и вошел в боковую комнату.

– Все слышала, Рита? – спросил Браток.

Рита ответила нечленораздельным стоном. Трудно было ожидать, что она сможет что-либо внятно сказать с заклеенным ртом.

Браток отстегнул ее от кресла и рывком содрал со рта лейкопластырь.

– Все поняла? – спросил Браток.

Рита выразилась несколько длинно и эмоционально. Из ее выступления следовало, если убрать матерные выражения, что все она поняла и, хоть оценивает действия Братка и других ментов очень низко, но все поняла и будет вести себя в рамках правил капиталистического общежития.

– Рожу вытри, – посоветовал Браток, когда Рита закончила свое выступление. – Вся помада размазалась.

Последовала новая тирада, которую Браток не перебивал. Только когда уже возле двери Рита замолчала, Браток быстро сказал:

– И тебе всего наилучшего.

Хлопнула дверь.

Браток облегченно вздохнул и полез в ящик стола. Он даже достал початую бутылку водки и стакан, но вовремя вспомнил, что если Гринчук еще больше задержится, то придется докладывать лично Владимиру Родионычу. А тот не любит выпивки на работе.

– Твою мать, – сказал Браток.

* * *

– Твою мать, – сказал в этот же момент Владимир Родионыч.

Ни к чьей родительнице конкретно, а, тем более, к матери Полковника, это энергичное замечание не относилось. И произнесено он было вполголоса и с оглядкой на дверь кабинета. Владимир Родионыч был человеком интеллигентным и спокойным. И старался поэтому, в слух не выражаться. И слух Инги, своего секретаря, не травмировать.

Полковник несдержанность Владимира Родионыча комментировать не стал. Полковник вообще избегал каких-либо комментариев деятельности Владимира Родионыча. И вовсе не потому, что боялся вызвать его неодобрение. Полковник предпочитал не травмировать самолюбие начальства по пустякам.

– Но это же полный бред! – сказал Владимир Родионыч. – мы же с вами понимаем, что Гринчук не мог иметь к этому никакого отношения.

– Мы – понимаем, – подтвердил Полковник, – а вот они...

– А кого интересует их мнение? – возмутился Владимир Родионыч. – Достаточно того, что я внятно изложил им нашу позицию.

– Похоже, что наша позиция произвела на них не слишком сильное впечатление, – сказал Полковник. – Или они решили, что имеют веские аргументы.

– В том, что это Гринчук организовал убийство этого, как его...

– Атамана, – подсказал Полковник.

– Да, Атамана. Я не могу себе представить, чтобы Гринчук мог ввязаться в такое дело. И, кроме того... – Владимир Родионыч смущенно кашлянул.

– Что, кроме того?

– И, кроме того, если бы Юрий Иванович решил убрать этого...

– Атамана.

– Да, Атамана, то он сделал бы это гораздо изящнее.

– Согласен, – сказал Полковник. – Но это, опять-таки, наше с вами мнение. А другие могут иметь мнение свое. Ведь могут?

– Могут, – не смог не признать Владимир Родионыч, – но не должны. В этом вопросе – не должны. У Гринчука полно работы, а он должен сидеть и давать объяснения.

Владимир Родионыч задохнулся от негодования. Нажал кнопку на селекторе:

– Инга, что там министр?

– Буквально секунду назад от него позвонили и сообщили, что он лично беседовал с нашими местными чинами. Если в течение часа подполковника Гринчука не оставят в покое, то мне нужно будет позвонить в приемную министра.

– Спасибо, Инга. Если можно – мне чаю. А Полковнику... – Владимир Родионыч посмотрел на Полковника.

– Как обычно, – сказал тот.

– И Полковнику – как обычно, – сказал Владимир Родионыч.

Полковник немного демонстративно посмотрел на часы и поерзал, устраиваясь в кресле. В обычное время звонка министра хватало для того, чтобы навести порядок, но в обычное время хватало и звонка Владимира Родионыча.

Получалось, что время сейчас – необычное. И получалось, что сюрпризы еще могли продолжаться.

– Мистика какая-то, – пробормотал, немного помолчав, Владимир Родионыч. – Что за муха укусила генерала? Он даже разговаривать со мной не стал. Ответил, что будет разбираться лично. Лично. А у нас тут... Если я не ошибаюсь, сегодня Гринчук должен был подвести итог в этой неприятной истории с Лелюковыми.

– Насколько я знаю, с этим сейчас должен был разбираться прапорщик Бортнев, – сказал Полковник.

– Браток в роли дипломата! – всплеснул руками Владимир Родионыч. – Надеюсь, у него хватило ума хотя бы не бить их резиновой дубинкой.

– Палкой, – сказал Полковник.

– Что?

– Правильно говорить – резиновой палкой.

– Что вы говорите! Вы вот возьмите сейчас и позвоните вашему Братку и выясните, что именно он там устроил. И если уже закончил, то не может ли он прийти сюда и лично сообщить нам, как ему, целому прапорщику милиции, удалось навести порядок в деле ценой в несколько десятков миллионов долларов.

Владимир Родионыч саркастически улыбнулся.

– И заодно передайте ему, что если он что-то испортил, то я лично придумаю для него наказание. Вставлю метровый фитиль господину Гринчуку, за то, что он не отменил мероприятия. А уж что я сделаю с генералом...

Полковник молча достал телефон и набрал номер.

– Иван?

– Да. Слушаю.

– Что там у вас?

– Все нормально. Поговорили.

– Вы не могли бы, если можно, в двух словах рассказать...

Браток рассказал. Опуская подробности, но четко выделяя основные моменты.

Полковник слушал молча, стараясь сохранять на лице спокойное выражение. Только один раз он не выдержал и хохотнул.

– Он вам что, анекдоты рассказывает? – желчно осведомился Владимир Родионыч. – Пусть придет сюда и расскажет мне.

– Зайдите, пожалуйста, в кабинет к Владимиру Родионычу, – сказал Полковник.

– И что же вызвало ваш смех? – спросил Владимир Родионыч, когда Полковник спрятал телефон.

– Он им посоветовал завести ребенка.

В кабинет вошла Инга с подносом. Поставила чай перед Владимиром Родионычем и Полковником.

– Там сейчас должен прийти прапорщик Бортнев, – сказал Владимир Родионыч. – Впустите его сразу. И постарайтесь с ним сейчас не разговаривать. А то он и вам посоветует завести ребенка.

– От кого? – спросила Инга и вышла из кабинета, не дожидаясь ответа.

– Вы обратили внимание, Полковник, как знакомство с Юрием Ивановичем Гринчуком всех нас изменило? Даже Инга, которая раньше никогда не позволяла себе таких вот вольностей, теперь... – Владимир Родионыч пошевелил в воздухе пальцами.

– Позволяет себе такие вольности, – подсказал Полковник.

– Вот именно, – подтвердил Владимир Родионыч.

* * *

– Вольности свои будешь демонстрировать в другом месте, – сказал генерал-майор Гринчуку. – А здесь ты будешь отвечать на вопросы.

– Есть! – бодро ответил Гринчук.

– И говорить будешь только по существу.

– Так точно!

– Ты еще раз внятно изложишь все, что произошло.

– Разрешите выполнять?

Генерал-майор понимал, что Гринчук откровенно развлекается, но ничего поделать не мог. Нельзя же требовать от человека перестать действовать по уставу. И нельзя требовать, чтобы этот самый человек перестал излагать информацию, обильно используя протокольные фразы. Особенно впечатляюще выглядело описание убийства Атамана с упоминанием смерти, наступившей в результате многократного проникания пуль из автоматического оружия в грудную клетку потерпевшего и в другие жизненно важные органы.

Самым трудным в диалоге было то, что генерал-майору было понятно – Гринчук тут чист, аки ангел небесный, но над генерал-майором был генерал-лейтенант, и этот генерал-лейтенант отчего-то решил, что Гринчук может на себя наговорить. Или случайно проболтаться. Нужно только заставить его раз двадцать повторить всю историю.

Но у Гринчука была отличная память. И все одиннадцать вариантов его рассказа были похожи друг на друга как патроны к пистолету Макарова.

– Повреждения, несовместимые с жизнью, – закончил Гринчук двенадцатый рассказ.

Генерал-майор задумчиво постучал пальцами по столу. Ему надоело корчить из себя идиота. И надоело позволять Гринчуку издеваться над старшим по званию. Хотя, честно признавался себе генерал-майор, делал это Гринчук мастерски, не давая старшему по званию повода обидеться вслух.

Генерал-майор тяжело вздохнул и потянулся за телефонной трубкой. Нужно было докладывать начальнику, что дальнейшие разговоры ни к чему больше не приведут.

Телефон зазвонил. И когда генерал-майор взял трубку, ему было велено отпустить Гринчука на все четыре стороны.

– Свободен, – сказал генерал-майор.

– Есть! – ответил Гринчук и встал со стула. – Разрешите идти?

– Иди.

Вот славно, подумал Гринчук, выходя из кабинета. Кажется, сработал Владимир Родионоч. Но как-то не слишком оперативно. Печально все это.

Спохватившись, Гринчук включил свой мобильник. Ровно через пять секунд он зазвонил.

– Слушаю, Мила, – сказал Гринчук.

– Юрий Иванович? – обрадовано затараторила Мила. – А я вас вызваниваю и вызваниваю. Мне с вами нужно посоветоваться.

– Опять мальчик? – спросил Гринчук, заранее зная ответ.

– Да. Понимаете, я бы очень хотела, чтобы вы...

– Мила, я старый больной человек, к тому же – гетеросексуальный, – Гринчук покосился на дежурного прапорщика на выходе из областного управления.

Тот тактично отвернулся.

– Ну, что я могу понимать в шестнадцатилетних мальчиках?

Дежурный прапор засопел, явно сдерживая смех.

– Тем более – в семнадцатилетних, – сказал Гринчук и показал кулак прапору.

– Ну, Юрий Иванович... – протянула Мила просительно.

– Ладно, – сказал Гринчук, – в последний раз.

И добавил про себя – в седьмой последний.

«Джип» Гринчук оставил не возле областного управления, а чуть в стороне, чтобы не шокировать коллег. Там же Гринчук обнаружил «опель» Михаила и, что особенно радовало, самого Михаила за его рулем.

– Привет, Миша, – сказал Гринчук, подходя к машине. – Отпустили?

– Вас ждут, – ответил Михаил.

Метрах в двадцати дальше по улице стоял «шестисотый».

– Почему думаешь, что меня?

– Подходил оттуда паренек, просил, чтобы вы заглянули в их машину. Судя по номеру – машина Мастера.

Гринчук кашлянул. Посмотрел в сторону «мерседеса». В «мерсе» открылась задняя дверца, но никто не вышел.

Все идет как-то быстро и как-то раком, подумал Гринчук. Зачем такая суета? Или послать приглашение на фиг? Или?

Мысленно выругавшись, Гринчук отдал свой пистолет Михаилу и пошел к «шестисотому».

Его подменили, сказал Атаман. Заколдовали. Опоили.

— Добрый день, – сказал Гринчук, останавливаясь возле машины.

– Садись, – пригласил Мастер.

– Насиделся, спасибо. Лучше прогуляемся, поговорим на свежем воздухе, – предложил Гринчук.

– Мои знают, что я к тебе поехал, – сказал Мастер. – А твои могут и не понять, когда мы тут гулять начнем.

– Ничего, поймут. Я, в конце концов, могу со своей агентурой встречаться где мне угодно, – Гринчук даже наклонился к машине, чтобы было видно его знаменитую улыбку. – Стукачи – народ переборчивый. Один хочет встречаться только на лоне природы, другому нравится гулять перед областным управлением.

– Хорошо, – сказал Мастер, – я выйду.

Не обиделся, оценил Гринчук. Молодец.

Мастер был значительно ниже Гринчука, но держался так привычно-властно, что разница в росте была почти незаметна. Во всяком случае – теряла значение.

– Я слушаю, – сказал Гринчук, когда они отошли на несколько шагов от «мерса».

Мастер потер ладонью правую щеку. Когда-то, на зоне, отморозил ее. Все давно прошло, а привычка осталась. И для знающих людей служила признаком волнения Мастера.

– Мне Атаман как сын был, – сказал Мастер.

Гринчук промолчал.

– Если б я нашел того, кто в его смерти виноват – замочил бы, падлу.

Гринчук снова промолчал. В конце концов, какое ему дело до таких вот неофициальных заявлений. Век воли не видать.

Мастер поднял воротник плаща.

– Неужели снова похолодает? – не обращаясь к Гринчуку, спросил Мастер.

Как к отцу, сказал Атаман. Либо здесь замочат, сказал Атаман. Подменили, сказал Атаман.

Гринчук мотнул головой, отгоняя наваждение.

– Ты зачем с Атаманом встречался? – спросил Мастер.

– Вы... – Гринчук надавил на «вы», – вы ничего сейчас не перепутали?

Мастер еле заметно усмехнулся. Вообще-то он редко улыбался. Но и люди, возражавшие ему, также встречались редко. Такая смелость забавляла.

– Вы зачем, уважаемый Юрий Иванович, встречались с Атаманом? – повторил свой вопрос Мастер.

– А почему это вас интересует? – спросил в ответ Гринчук.

– А потому что вы очень неудачно перебили всех стрелков, так что мне не у кого спрашивать больше.

– А вы спросите у Грыжи и его приятелей, – посоветовал Гринчук. – Прямо вот так возьмите и спросите. Я думаю, что они вам все расскажут.

– Спрошу, – медленно кивнул головой Мастер. – Они расскажут. Но ты мне все-таки скажи, о чем вы с Атаманом беседовали?

– А вам, извините, какая разница? Партию на бильярде сыграли. Пару киев друг о друга сломали. Договаривались, как он мне Мастера сдаст, а сам на его место станет.

– Он не говорил, кто мог его смерти хотеть? – спросил Мастер.

Его взгляд стал таким твердым, что Гринчук ощущал его почти физически.

– Не успел, – сказал Гринчук. – Мы только перетерли с ним на тему наезда, он извинился и сказал, что хотел просить у меня помощи...

– И ты?

– Я его послал, естественно. Я с конкретными пацанами в такие игры не играюсь.

– А он?

– А он возьми да и умри сразу после этого. Трудно не умереть, когда в тебя штук пятнадцать пуль влетело. Мог и меня с собой забрать, да я увернулся. Повезло.

– Повезло, – сказал без выражения Мастер. – Но только слух пошел, что это ты его...

– Замочил?

– Подставил, – Мастер рассматривал Гринчука в упор, словно перед расстрелом.

– Предъявляете? – спросил Гринчук, недобро улыбнувшись.

– Нет, предупреждаю.

– Быстро что-то у нас слухи ходят. И у нас, и у вас.

– Быстро, – согласился Мастер. – Но я в них не верю.

– Тогда мы можем прощаться, – подвел итог Гринчук. – Со своей стороны я заверяю вас, что не имею к этому расстрелу никакого отношения. И если я обнаружу, что слухи продолжают расширяться, да еще не без вашего участия...

– Угрожаешь? – спросил холодно Мастер.

– Предупреждаю. И если кто-то попытается что-нибудь предпринять в мой адрес или в адрес людей, мне близких, то я, уж не обессудьте, оставляю за собой право обидеться. Ву компране?

– Вполне, – кивнул Мастер.

– Я никого не обидел? – спросил Гринчук.

– Все в порядке. Только если решишь, что это я на тебя наезжаю, вначале свяжись со мной. На всякий случай.

Мастер протянул Гринчуку руку, и тому вначале показалось, что для рукопожатия. Но потом увидел визитку. Взял.

– Это мой прямой телефон. Если что-то понадобится – звони. Я не хочу ссориться с нормальными людьми, – Мастер повернулся, поморщившись от ветра, ударившего в лицо, и быстро пошел к машине.

Подменили его, сказал Атаман. Опоили.

Гринчук подождал, пока «мерседес» Мастера уедет.

И что теперь должен делать приличный человек? Нормальный. Рассказать кому-нибудь о страхе Атамана? Интересный вариант. Особенно забавно он прозвучал бы в кабинете генерала. Или вот сейчас нужно было сказануть это прямо в морщинистую, как у черепахи, рожу Мастера. И посмотреть, что он скажет. И скажет ли что-нибудь.

Гринчук подошел к «опелю».

– Что, Юрий Иванович? – спросил Михаил.

– Отдай мне мое родное табельное оружие и езжай, наверное, домой, – сказал Гринчук, – а я поеду к начальству. Заодно выясню, каких там дров наломал Браток.

«Опель» уехал.

Что с Михаилом, подумал Гринчук? То, что это не срыв – понятно. А как он вообще наступает этот срыв? Мгновенно? Вот только секунду назад это был добряк Михаил, симпатяга и всеобщий любимец, а через секунду изощренная машина для убийства?

Или все происходит исподволь?

Спросить у Полковника. Естественно, можно спросить у Полковника. Только что Полковник скажет. И скажет ли что-то вообще. Он в той программе, которая искалечила Мишку, был только завхозом. Финансовая служба вооруженных сил. И поэтому выжил тогда Полковник, когда все остальные, особо умные или слишком информированные погибали и пропадали без вести.

Полковнику повезло. Он не просто выжил, но и смог унести в клюве историю Михаила, который тогда Михаилом не был. Который был отбракован из той программы, потому, что органически не мог принять необходимость убийства. И который постоянно балансировал на грани срыва. И которого нужно было постоянно подстраховывать, чтобы успеть вывести его из боевого режима. Выключить.

Ты слово знаешь, сказал Атаман.

Прицепилось, зло подумал Гринчук. Он действительно знает код. Знает, что сможет вывести Михаила из состояния механического убийцы. Но как распознать, что Михаил идет к этому состоянию, как распознать, что через секунду может грянуть...

Гринчук достал из кармана телефон. Набрал номер.

– Доктор? – спросил Гринчук.

– Да, Юрий Иванович.

Усилившийся ветер швырнул в лицо Гринчуку старую газету.

– Вы сегодня не собирались в гости к Михаилу? – спросил Гринчук.

– Нет, а что случилось?

– Вы сегодня свободны с какого времени?

– В восемнадцать тридцать я принимаю Безумную Герцогиню, а потом – совершенно свободен. Тем более, для вас.

– Тогда я к вам заеду в половину восьмого, если не возражаете.

Доктор, естественно, не возражал. Доктор, понятное дело, готов был встретиться с Гринчуком в любое время, особенно, если это касалось Михаила.

Телефон Гринчук спрятать не успел.

Звонил Михаил и предупредил, что ночевать поехал к маме Ире. Давно обещал заехать в гости.

Плохой признак? Или просто совпадение? Ирина была рядом с Михаилом, когда он сорвался в последний раз. Это она вытянула его из этого безумия. Даже не вытянула, а удержала на самой грани. Она, тогда живой еще Тотошка – ее муж, и Доктор – уважаемые представители славного сообщества бомжей. В просторечии – Крыс.

Михаил поехал к Ирине. Это тоже нужно будет обсудить с Доктором. С Полковником и Владимиром Родионом это пока обсуждать не стоит.

Кстати. Гринчук набрал номер Полковника и доложил, что уже освобожден и через пятнадцать минут планирует предстать перед начальством.

– Можете особо не торопиться, – сказал Полковник, – как оказалось, ваши подчиненные очень толково справляются с порученными заданиями. И даже принимают посильный вклад в деле планирования семьи некоторых новых дворян.

– Что-то намудрил Браток? – насторожился Гринчук.

– Ни в коем случае. Все совершенно в порядке. Проблема решена. В несколько своеобразной манере, но весьма эффективно.

– Я сейчас приеду, – тяжело вздохнул Гринчук.

* * *

Всю дорогу до дома Мастер молчал. Не говоря ни слова, вышел из машины и молча прошел мимо охранников к себе в кабинет. Собственно, комната кабинет напоминала мало. Два кресла в углу, обеденный стол, шесть стульев вокруг него и диван возле стены.

Записей Мастер не вел. Память никогда его не подводила, а лишние писульки ни к чему хорошему никого не приводили.

Мастер, не снимая плаща, сел на диван. Потер ладонью правую щеку. Достал из кармана телефон, задумчиво посмотрел на него, словно прикидывая, стоит звонить, или нет. Набрал номер.

– Левчик, ты? – спросил Мастер.

– Я. Что-то случилось?

– Я тут подумал... – медленно произнес Мастер. – Чего мы решили, что это Атамана хотели замочить?

– Что? – удивился Левчик.

– Я говорю, почему это мочили Атамана? Я тут мозгами пораскинул... Может, Атамана грохнули случайно? А хотели мочкануть Зеленого? У него ведь знаешь сколько врагов?

– У Зеленого? – переспросил Левчик.

– У Зеленого, – подтвердил Мастер.

Левчик задумался. Наверное, у Зеленого действительно должны быть враги. Странно было бы, что такой резкий мент не нажил себе врагов. Только... Левчик никак не мог вспомнить конкретно хотя бы одного. Более того, до него вдруг дошло, что те, с кем Гринчук мог иметь конфликт, либо уже лежали в могиле, либо пребывали неизвестно где, явно пытаясь обрубить все концы.

– Ты, Левчик, прикинь, кто мог бы хотеть Зеленого замочить, – прервал молчание Мастер. – Подумай как следует.

– Да я думаю...

– Ты не торопись, Левчик, – сказал Мастер. – Но и не тяни. Придумай все часа через три.

– И что? – спросил Левчик.

– А то, что, может, нам стоит мента этого, Зеленого, прикрыть. Типа, отмазать. И найти этого беспредельщика, который мента заказал. наших ментов мы сами мочим только в крайнем случае. И нечего чужим в это дело лезть. А если кто из наших... – Мастер не закончил.

Все было и так понятно.

– Хорошо, – сказал Левчик.

Хрен там хорошо, подумал Левчик, положив телефонную трубку.

Мастеру легко давать такие указания. Левчик – голова. Левчик все сможет придумать и спланировать. Левчик сможет договориться с газетами и вбросить нужный слух в оборот... А тут...

Левчик достал из серванта хрустальный графин и плеснул себе в хрустальный стакан коньяку. Левчик любил красивую жизнь и не любил суеты и крови. Деньги свои он зарабатывал чисто, поставляя идеи, разрабатывая планы и выполняя обязанности пресс-службы Мастера. Последним шедевром Левчика была организация отставки районного прокурора. Козел зажрался и стал слишком жадным.

Кто-то хотел убить Зеленого. Левчик покачал головой. Кто? Такое решение мог принять Мастер. Покойный Мехтиев тоже мог бы, но... Али, взявший азербайджанские дела в свои руки после смерти Мехтиева, такого творить не стал бы. Али очень серьезный и спокойный человек. И у него, кажется, были свои отношения с Зеленым.

Кто-то из бригадиров?

Левчик допил коньяк. Слишком мелкие для того, чтобы зацепиться с самим Зеленым. Да и кроме этого, Левчик слишком хорошо знал, что Зеленый среди братвы приобрел славу почти мистическую. Стал фигурой, приносящей несчастья.

Мастер дал всего три часа.

Левчик аккуратно поставил графин в сервант, достал из портфеля записную книжку и набрал номер на телефоне. По этому поводу стоило проконсультироваться.

* * *

– Вы хоть бы проконсультировали своего прапорщика, – закончил нравоучение Владимир Родионыч.

Все время выступления шефа Полковник внимательно рассматривал подвернувшийся под руку журнал, а Гринчук молча сидел в кресле, глядя перед собой.

– Он ведь мог все испортить, – вывел мораль Владимир Родионыч.

– Но ведь не испортил, – сказал Гринчук. – Побоев не будет, конфликт исчерпан, о нем знают только они втроем и мы с вами. И Братку на это понадобилось десять минут. Я бы разговаривал дольше. И, подозреваю, в принципе, сделал бы все точно также.

– И посоветовали бы им плодиться и размножаться, – не отрываясь от журнала, добавил Полковник.

– А почему бы и нет?

Полковник пожал плечами и промолчал.

– Вам обоим, похоже, это кажется смешным, – сказал Владимир Родионыч.

– Вы ведь хотели быстрого и чистого решения конфликта, – напомнил Гринчук.

– Но я не хотел, чтобы супругу уважаемого человека выдергивали из спальни...

– Из квартиры, она уже успела накраситься и одеться, – поправил Полковник.

– Залепливать ей рот и пристегивать наручниками к креслу, – не дал себя сбить с мысли Владимир Родионыч. – Это нормально?

Гринчук заинтересовано посмотрел на люстру.

– И нормально, что вы позволили втянуть себя и Михаила в эту глупейшую историю с уголовными разборками? – спросил Владимир Родионыч.

– Это не совсем зависело от Юрия Ивановича, – попытался вмешаться Полковник, но Владимир Родионыч пресек попытку ледяным взглядом.

– Мы с вами говорили о профессионализме. И мы с вами говорили о том, что все эти уголовники не входят в сферу деятельности Юрия Ивановича. У него, как я полагаю, и так много работы. Он, на сколько мне известно от вас, уважаемый Полковник, до сих пор не разобрался с проблемами Кононовых. И должен был вчера выяснить, что там происходит вокруг лица. Того самого, в котором учатся наши дети.

– Наши новые дворянские дети, – сказал Полковник, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, дети наших новых дворян. И мы с вами понимаем, что это входит в прямые обязанности Юрия Ивановича. А в ваши прямые обязанности, Полковник, и в обязанности ваших людей, входит решение проблем с уголовниками. Именно вы должны сейчас понять, что именно произошло в бильярдной. И сделать так...

– Чтобы подобное не было возможно впредь, – закончил Полковник мысль шефа.

– Вот именно, – подтвердил шеф. – Отправляйтесь и работайте.

– Я, кстати, хотел с вами обсудить... – начал Полковник.

Что именно он хотел обсудить, Гринчук дослушивать не стал, а вышел в приемную.

– Все в порядке? – спросила Инга.

Гринчук механически вытер руку о джинсы.

– Все нормально.

Инга с сомнением покачала головой. Был у нее редчайший дар – понимать, когда Гринчук говорит правду, а когда, вот как сейчас, врет самым бессовестным образом. И Гринчук врал ей, скорее, по привычке.

– В тебя стреляли? – спросила Инга.

– Хуже, – ответил Гринчук и осторожно дотронулся рукой до щеки Инги. – Я стрелял.

Инга потерлась щекой о его руку.

– И убил, – добавил Гринчук.

– Но ты же...

– Да, – кивнул Гринчук. – Я защищался.

– Хочешь, я вечером к тебе приду? – спросила Инга.

– Ага, – мягко высвобождая руку, сказал Гринчук. – Грязное белье у меня на полке в ванной, грязная посуда – в мойке. А в холодильнике...

– Как всегда пусто, – сказала Инга. – Я буду часам к девяти.

– Инга... – Гринчук присел на корточки возле ее кресла. – Зачем тебе это? Ничего хорошего у нас с тобой не получается. Ты сегодня придешь меня жалеть, а завтра утром мы снова погрыземся и неделю будем говорить друг другу гадости.

– Я? Тебя? Жалеть? – сделала удивленные глаза Инга. – Гринчук, ты давно уже должен был понять, что я тебя элементарно использую. Ты, когда расстроенный, так замечательно трахаешься...

– Мерси за комплиман, – сказал Гринчук, выпрямляясь.

– Так, значит, я буду в девять, – напомнила Инга.

Из кабинета Владимира Родионыча вышел Полковник и осторожно прикрыл дверь. Даже несколько демонстративно.

– Я не помешал? – спросил Полковник.

– Ни в одном глазу, – сказал Гринчук. – Нам с Ингой помешать невозможно.

– Тогда я приглашаю вас, Юрий Иванович, отобедать со мной в «Клубе» у Графа. Сегодня он обещал нечто особенное.

– Тогда ужин можешь не готовить, – сказал Гринчук Инге. – Простируешь, помоешь посуду и будешь меня ждать. Не забудь перебрать фасоль, посадить кусты роз и познать самое себя.

– Непременно, – язвительно улынулась Инга. – Особенно – самое себя. В этом случае вы рискуете опоздать к празднику.

Прикрыв дверь приемной, Полковник посмотрел в глаза Гринчуку и постучал себя пальцами по лбу.

Гринчук молча кивнул и развел руками.

– Теперь, когда мы преодолели эмоциональную часть нашего разговора, – в лифте сказал Полковник, – перейдем к прозе жизни. Как там Михаил?

– Михаил? – переспросил Гринчук.

– Именно. И не нужно мне сейчас устраивать театр одного актера.

– Не имел ни малейшего...

– Вот именно это вас и выдает, – сказал Полковник. – Вы сегодня, как актер, явно не в ударе.

– Не мой сегодня день, – кивнул Гринчук. – То есть – абсолютно. Все меня видят насквозь, и каждый при этом норовит уколоть побольнее. Опера каждый обидеть может. А понять его...

– Оценить по достоинству, – подхватил Полковник. – Что там с Михаилом. Он, как я понял, сегодня убил двоих.

– А что Михаил... – вздохнул Гринчук. – Михаил говорит, что у него все нормально. Немного пожелтел после стрельбы, но в пределах нормы. Сами понимаете, как оно – убить.

– Не понимаю, – тихо сказал Полковник. – Представить – могу. Понять... К счастью, не имею подобного опыта.

Лифт открылся, и они вышли в холл.

Охранник открыл перед ними дверь.

– Черт, – спохватился Гринчук, – нужно предупредить Братка, где меня искать, если что. И машину чтобы подогнал.

– По дороге и позвоните, – Полковник жестом пригласил Гринчука в свою машину.

Подождал, пока Гринчук давал по телефону указания Братку. Потом продолжил разговор:

– Михаил говорит – все нормально. А что говорите вы?

Гринчук задумчиво покрутил в руке телефон.

– Не знаю, – наконец сказал Гринчук. – Не знаю. Похоже – он не сорвался, хотя я и не знаю, как бы это выглядело. Но...

Гринчук спрятал в карман телефон и зачем-то отряхнул руки.

– Но? – напомнил Полковник.

– Он сегодня стрелял в безоружного, – Гринчук отвернулся к окну.

Полковник поправил галстук. Кашлянул, словно прочищая голос перед репликой, но промолчал.

– Нет, все правильно, – продолжая смотреть в окно, сказал Гринчук. – Пристрелил он водилу тех залетных уродов. Ствол у него был, но в кобуре, под курткой. Я вовремя заметил и совершил преступление.

Гринчук обернулся к Полковнику.

– Представляете? Я достал у покойника ствол и вложил его ему в руку. Иначе Миша уже сегодня вполне мог...

Гринчук оборвал фразу и посмотрел в глаза Полковнику.

– Что вы на меня уставились? – грубовато спросил Полковник. – Ждете, что я вам стану сопلي вытирать? Вы это сделали?

– Сделал.

– Посчитали это правильным?

– Да.

– И еще раз сделали бы?

– Да, – после секундной паузы ответил Гринчук.

– Если бы Михаил не пристрелил того водителя, тот за оружие взялся бы или нет?

– Однозначно, – кивнул Гринчук.

– Ну, и пошли вы к чертовой бабушке со своими нежными нервами. Сами бы, небось, тоже вначале стрельнули бы, а потом...

– Нет, – сказал Гринчук. – не стрельнул бы. И дело тут не в моих нежных нервах. Михаил после всего даже не подошел к машине, чтобы проверить. Если бы не я... Он просто стоял и... И приходил в себя.

Машина свернула к «Клубу».

– Что вы собираетесь делать в связи со всем этим?

– Не знаю, – пожал плечами Гринчук. – Пока вот поговорю с Доктором и Ириной, что они скажут. А там... Мне нужно найти хоть кого-то из тех, кто Мишку уродовал в той программе.

Машина остановилась возле дубовой двери «Клуба», но Полковник продолжал сидеть, словно этого не заметил.

– Я ищу, Юрий Иванович. Честное слово. Я поднял все свои связи. Тогдашние и нынешние. И пока... Слишком тщательно чистили – вот в чем беда. Но я найду.

– Я найду, – поправил Гринчук. – Мне для этого нужно будет просто все бросить и заняться этим вопросом.

– Не думаю, что вам кто-то позволит...

– А мне плевать! – отрезал Гринчук. – Я просто все брошу и уйду. И мне...

– Давайте на этой высокой ноте прервемся, – сказал Полковник, – и все-таки пообедаем.

Граф, наверное, уже ждет и волнуется. Я его предупреждал.

Граф действительно ждал.

Волновался ли он при этом, знал только Граф. По внешнему виду этого определить было нельзя. Как всегда – безукоризненный костюм, безукоризненная прическа и безукоризненная улыбка.

– Прошу, – сказал Граф, широким жестом приглашая войти.

Полковник вошел первым. За ним двинулся Гринчук. Граф закрыл за ним дверь на засов.

– Проходите в кабинет, – сказал Граф.

Полковник пошел, не оборачиваясь. Гринчук тоже. Он не обернулся даже когда Граф без взмаха, коротко ударил его кулаком в спину. Гринчук чуть качнулся в сторону, пропуская удар, потом зажал руку Графа у себя подмышкой. И продолжил свое движение к кабинету.

– Руку отдай, – попросил Граф.

Гринчук не ответил.

– Не позорь перед посетителями, – снова попросил Граф.

– Бутылка коньяку, – сказал Гринчук, не останавливаясь.

– Прошлый раз была бутылка водки.

– Две бутылки коньяку, – сказал Гринчук и что-то там сделал с рукой Графа.

Граф зашипел от боли.

– Ручка бо-бо? – спросил Гринчук.

– Сволочь ты все-таки, – простонал Граф. – Хорошо, две бутылки.

– Армянского, из того самого ящика... – продолжил выдвигать требования Гринчук.

– Хорошо, – сказал Граф и стал растирать отпущенную на свободу руку.

В кабинете было прохладно и очень респектабельно. Кожаные кресла, дубовые панели на стенах, медные канделябры и тяжелые темно-красные шторы на окне. Хотя окна-то как раз и не было. «Клуб» сообщался с окружающим миром только через входную дверь, вход на кухню и через заднюю дверь, о существовании которой знали далеко не все.

Вместо окон в клубе были светильники, спрятанные за матовыми стеклами ложных рам.

– Вам не надоело еще играть с Графом в эти детские игры? – осведомился Полковник, усевшись за стол.

Голос его прозвучал как-то особенно респектабельно, под стать кабинету, и Гринчук поймал себя на том, что хочет ответить таким же аккуратным джентльменским тоном.

– Это традиция, Полковник, – сказал Гринчук. – И заодно – тест. В тот день, когда Граф меня подловит, я подам в отставку. И уйду на пенсию. Буду разводить клубнику и продавать ее на базаре.

– На Канарских островах, – закончил Полковник.

Гринчук подождал, не напомнит ли Полковник о неожиданном богатстве Гринчука, но Полковник напоминать не стал. Только тонко улыбнулся.

Открылась дверь, и в кабинет вошел Граф.

– Что у нас сегодня на обед? – спросил Гринчук.

– Полковник заказал на мое усмотрение. Поэтому он сейчас будет ждать первого блюда, а ты прогуляешься со мной в соседний кабинет, – сказал Граф.

– Как я хочу быть полковником, – сказал, вставая из-за стола Гринчук, – он может носить папаху и может оставаться на стуле, когда подполковника гоняют с места на место.

– Что случилось? – спросил Гринчук, когда дверь кабинета закрылась.

– Понимаешь, – немного растеряно сказал Граф. – Полковник меня предупредил еще два часа назад, что будет с тобой...

– Ну?

– А час назад ко мне обратился один... э-э... мой знакомый. И попросил его проконсультровать. И я решил... – Граф отвел взгляд. – Я решил пригласить его сюда...

– В «Клуб»? – изумился Гринчук. – Тут же везде написано «Посторонним В.» Или это очень большой человек?

– Большой, – кивнул Граф. – В своем роде.

Граф открыл дверь соседнего кабинета.

– Знакомьтесь, – сказал Граф, – это Левчик.

Левчик действительно был большим человеком. В свои пятьдесят пять лет при росте метр шестьдесят он имел вес сто двадцать килограммов и привычку вкусно есть. Иногда он оказывал Графу консультационные услуги и за это получил право вкушать от изысков «Клуба». А еще он иногда умудрялся обменять свою информацию на информацию Графа.

Получив задание Мастера, Левчик решил позвонить Графу. Тот пригласил Левчика на обед, одновременно пообещав, что познакомит с очень информированным по затронутому вопросу человеком.

Увидев Гринчука, Левчик побледнел, выронил вилку и, нашарив галстук, стащил его с шеи.

Пока Граф коротко объяснял Гринчуку, что именно интересуется уважаемого Левчика, уважаемый Левчик пытался восстановить дыхание и вытереть с лица и лысины пот.

– Такие, значит, дела? – сказал Гринчук, усаживаясь за стол, напротив Левчика. – Значит, это меня хотели грохнуть. А Атамана так просто, за компанию?

Левчик что-то простонал совершенно задавлено, что, по-видимому, означало согласие.

– Вы тут пообщайтесь, – сказал Граф, – а я пойду займусь делами.

Возле двери Граф остановился и, будто что-то внезапно вспомнив, оглянулся на Гринчука:

– Юра, в случае возникновения разногласий, вспомни, что старше тебя на двадцать лет, у него трое детей и нездоровое сердце. Поэтому, если надумаешь, лучше сразу бей в голову.

Левчик икнул. Граф вышел.

– Я слушаю, – сказал Гринчук.

И пока Левчик, продираясь сквозь испуг и икоту, излагал позицию Мастера по этому вопросу, Гринчук обдумывал новый вариант.

А если это правда?

Кто-то решил замочить Гринчука. Прислал команду. И все должно было выглядеть так, будто это мочили Атамана. Нет, Мастер таки действительно мастер. Большая умница.

Вопрос только в том, что не понятно, кто мог Гринчука заказать.

Разве что... Гринчук задумался.

В разговоре с Атаманом прозвучала кликуха Гири. Старого закадычного врага. Мог он? Подсказал Атаману идею встречи с Гринчуком, а сам прислал людей.

Полутемный зал, вспомнил Гринчук, испуганный Атаман, силуэт убийцы и огненные светлячки пуль.

– Я не смог ничего припомнить и поэтому обратился к Графу, – сказал Левчик.

– А он обратился куда нужно, – ответил Гринчук.

Взял со стола чистый стакан, налил в него газировки из сифона, и медленно выпил.

– Плохой у меня сегодня день, – выпив воду и поставив стакан на место, сказал Гринчук. – Последние четыре часа я только и думаю, на ком бы сорвать злость.

Левчик побледнел еще сильнее и вжался в спинку стула.

– У вас действительно большое сердце? – спросил Гринчук.

Рука Левчика привычно легла на левую сторону груди:

– С-сердечная недостаточность.

– Плохо. Длинный разговор может не получиться. К сожалению.

Нехорошо улыбаясь, Гринчук взял со стола нож, попробовал лезвие большим пальцем и удовлетворенно кивнул.

Левчик часто задышал, не сводя взгляда с ножа.

Гринчук взял с вазы яблоко и стал медленно срезать с него шкурку. Длинными аккуратными полосками.

– Удивляюсь, – сказал Гринчук, как мы раньше с вами не пересеклись. Вы такой интересный собеседник.

Левчик смотрел только на нож.

– Честно говоря, меня не слишком интересовал Мастер. И он меня, честно говоря, до сих пор мало интересуется. Но меня начинает раздражать его интерес к моей скромной и, в общем, не слишком значимой фигуре. Мне казалось, что в личной беседе мы с ним уже все обсудили. А теперь, оказывается, он еще решил, что мне может понадобиться его помощь.

Левчик продолжал смотреть на лезвие, поблескивающее в свете ламп.

– Так что мы будем делать? – спросил Гринчук.

– А что-то нужно делать? – выдавил из себя Левчик.

– Всенепременно, – обворожительно улыбнулся Гринчук. – Обязательно. И, как можно, быстрее.

– Я не знаю...

– А если пальцы в дверь зажать? – самым доброжелательным образом поинтересовался Гринчук.

– Не надо, – слабым голосом произнес Левчик.

– Сам не хочу, – заверил его Гринчук. – Книжку «Хождение по мукам» читали?

– Нет. Да. В школе. Давно.

– Там есть прекрасная фраза. «Если они виноваты, то будут расстреляны. Но без этих буржуазных издевательств».

– Не надо, – простонал Левчик.

– Что «не надо»? «Расстрелян» или «буржуазных издевательств»?

– Ничего не нужно. Ни того, ни другого. Пожалуйста, – попросил Левчик.

– Тогда нам придется подружиться, – сказал Гринчук решительным тоном. – Да?

Глава 3

Мастер ложился спать рано. Как только начинало темнеть, он прерывал любые, даже самые важные дела, и отправлялся в постель. Мастер совершенно здраво полагал, что за день можно переделать любые дела. И горе было тому, кто решался нарушить его сон.

Давая указание Левчику все подготовить через три часа, Мастер не учел, что это не укладывалось в светлое время суток. Когда же это обнаружилось, Мастер понял, что в любом случае Левчик сообщит свой вариант только утром, поэтому, традиционно постояв на крыльце минут пять, Мастер пошел в спальню.

Кровать у него была широкая, металлическая, с никелированными шариками. Мастер испытывал странную тягу к таким вот морально устаревшим сооружениям, и его пацанам пришлось здорово побегать, прежде чем был найден этот шедевр. Кровать привез Атаман.

Мастер разделся и лег в постель.

Он не любил компаний, семьи не завел, поэтому в доме обитал один. Утром приходила пожилая женщина, жившая по соседству. Она готовила еду, прибирала в доме и стирала.

Еще возле дома постоянно топталось четыре крепких парня.

В принципе, Мастер мог обойтись и совсем без охраны. Никто из нормальных его побеспокоить не решился бы, но отморозки... Или просто мелкая шелупонь, не знающая, что творит.

На этот случай пришлось поставить охрану.

Все четверо были надежны, все четверо знали, что их может ожидать в случае ошибки, поэтому всю ночь службу несли бдительно, не отвлекаясь. Всю ночь.

Вот здесь и таилась возможность ошибки.

Ночь, это когда все спят. Ночь начинается где-то между двадцатью тремя часами и полночью. А девять часов – это вечер. Это время, когда люди смотрят телевизор, пьют чай или ходят в кабак.

Поэтому охранники после наступления темноты пару часов позволяли себе спокойно посидеть в машине возле дома, поглядывая на входную дверь и на дорогу.

А вот с двадцати трех...

В ту ночь с двадцати трех часов дом охранять было уже несколько поздно.

Нет, Мастер был в доме, продолжал лежать на своей старомодной кровати с панцирной сеткой. И даже лежал живой. И, в принципе, мог бы даже позвать охранников. Но не звал.

То, что Гринчук мент, вовсе не значило, что он не воспользуется в этом случае пистолетом, который держал, уперев ствол в бок Мастера.

Как Гринчук попал в дом, Мастер даже не стал прикидывать. Через минуту после своего пробуждения, Мастер понял, что ситуация совершенно однозначная.

– Еще раз – здравствуйте, – сказал Гринчук.

– Привет, – ответил Мастер.

– Сразу определимся, – сказал Гринчук. – Я – Зеленый, это пистолет. В нем двенадцать патронов и он не на предохранителе. Кроме этого, пистолет нигде не зарегистрирован, поэтому на спуск я нажму не задумываясь. Понятно?

– И мочить ты меня пока не собираешься, – констатировал Мастер.

– Верно, иначе не будил бы.

– Тогда что тебе нужно? – спросил Мастер.

– Оставь меня в покое. Возьми и забудь про меня. Насовсем. Фамилию забудь, имя и звание. А я забуду о тебе.

– Что так?

– Времени у меня на тебя нет. Я занимаюсь совершенно другими делами, – сказал Гринчук, – ни к тебе, ни к Атаману я дел не имею и не собираюсь иметь. И мне насрать на то, что

его замочили. И мне совершенно не интересно, за что. Я хочу просто жить, а не узнавать время от времени, что кто-то хочет меня или убить или защитить.

– Левчик сболтнул, – странным тоном произнес Мастер.

– У него выбора не было. Он, бедняга, почесал-почесал в голове, не смог придумать, кто же это на Гринчука мог выписать заказ, да и отправился наводить справки. А дальше уже дело техники и моих источников информации.

– Левчик сболтнул, – повторил Мастер.

– Называй, как хочешь. Только отцепись от меня.

– Ладно, Левчика я не трону. Он бедняга и так, небось, весь обгадился.

– Не знаю, памперсов ему не менял.

– А вот ты, Гринчук...

На стене тикали часы. Гринчук ждал, как именно закончит фразу хозяин дома, а хозяин дома все ее не заканчивал. А потом решил вообще перейти к другому вопросу.

– Тебе чего здесь нужно? – спросил Мастер.

– Я хочу предупредить, – сказал Гринчук. – В эти игры я с тобой не играю. Упаси тебя боже, начать трепаться по поводу заказа на меня...

– А что? Убьешь меня?

– Может быть.

– Думаешь меня испугать, мент?

– Думаю тебя предупредить.

– Я ж тебя защитить хотел, – сказал Мастер. – Тебе ж Левчик сказал, что я хотел тебя отмазать...

– Сказал. Только фигня все это. Слышал я, что ты головастый мужик, только на этот раз ты облажался.

Мастер почувствовал, что Гринчук убрал пистолет. Щелкнул предохранитель.

– Отчего это ты так решил? – спросил Мастер.

Ему действительно стало интересно, что именно усмотрел мент в его идее.

– Ты стрелял когда-нибудь в темноте? – спросил Гринчук. – Или в сумерках?

– Не люблю стволы, – сказал Мастер. – То ли дело перо...

– А я стрелял. Не видно мушки ни хрена. И не видно, куда попадаешь. Есть выход – взять трассирующие пули. Вот там раздолье. Можно даже не целится. Управляй струей, как в сортире.

– Атамана так струей и замочили. И вот что это значит, – сказал Гринчук.

Мастер видел только его силуэт на фоне окна. И еще слышал голос. И Мастеру показалось, что Гринчук отвернулся от кровати.

– Меня можно было грохнуть где угодно. Просто на улице, из машины. И для этого не нужно было бы снаряжать автомат трассерами. А вот Атаман почти все время торчал в своем клубе. А там – освещение специфическое. И там можно было подумать о трассерах.

Мастер опустил руку с кровати и на внутренней стороне ножки кровати нащупал нож.

– Так что мочить шли Атамана. И я подозреваю, что мочили его по твоему приказу.

– Что ты говоришь? – удивился Мастер.

Рукоятка ножа удобно легла в руку. Силуэт Гринчука четко выделялся на фоне окна. Словно вырезанный из черной бумаги.

– По-твоему, – повторил Гринчук.

– Это тебе Атаман сказал? – спросил Мастер.

– Что-то вроде того. Сказал, что ты от него там чего-то хочешь, а он...

– Что он?

– Не хотел этого делать. Боялся Атаман. Так боялся, что даже руки тряслись.

– Не хотел... – со странной интонацией протянул Мастер. – Жаль.

- Что жаль?
- Чего ж он, козел, просто не сказал? – будто сам у себя спросил Мастер.
- И тогда остался бы жив?
- Тебе-то какая разница? – взорвался Мастер. – Тебе-то что, мент поганый? Что ты понимаешь? Мне Атаман как сын был.
- Как сын! – выкрикнул Мастер, приподнимаясь на локтях.
- А сына ты не замочил бы никогда? – спросил Гринчук.
- Он отошел от окна и почти исчез на фоне стены.
- Мастер рывком сел на кровати:
- Ты почему решил, что это я его замочил? Почему?
- Атаман сказал, что, либо выполнит приказ, либо его убьют. А выполнять он не хотел.
- Мне не нужно было подсылать убийц, – почти закричал Мастер. – Я мог его грохнуть при всех, спокойно. Предъявить ему... Да что угодно! Ты думаешь, кто-нибудь стал бы по этому поводу со мной цапаться? Они же друг другу готовы глотки перегрызть. Отдать любому из них дело Атамана. Просто пообещать, и любой из них его бы на вилы поставил. Не понял? А еще умный!
- Не нужно мне ничего придумывать. Не нужно! – голос Мастер вдруг стих, превратившись в шепот.
- Словно песок пересыпался из одной стеклянной чаши в другую.
- Тебя это мочили, мусорок. За тобой приходили. И если мы не найдем заказчика...
- То меня могут грохнуть, – глухо сказал Гринчук. – Типа, вы ищите, кто-то стреляет в меня из машины, и вы все разводите руками. Жаль мента, не уберегли. И это ты прикажешь меня замочить. На всякий случай. Вот это меня и не устраивает. Совершенно.
- Ни чем не могу помочь, – прошелестел Мастер.
- Подменили его, сказал Атаман.**
- Можешь. Забудь обо мне. И я забуду о тебе.
- Заказчика искать нужно.
- Нет. Не нужно. Ты заказывал. Именно ты и заказал Атамана. Ты просто не хочешь, чтобы узнали об этом.
- Я тебе уже сказал... Эти уроды...
- А я не об этих уродах, – сказал Гринчук. – Я о другом. Ты боишься, что об этом узнают там...
- И что-то в голосе Гринчука прозвучало такое, что Мастер напрягся.
- Ты о чем?
- Атаман сказал, что готов был за тебя жизнь отдать. До сентября. А потом перестал относиться к тебе, как к отцу. С чего бы это? – спросил Гринчук.
- Откуда мне знать?
- Вот и я не знаю. И еще он что-то бормотал о погибших и убитых. О твоих ребятах. Доверенных.
- Голос Гринчука звучал спокойно и размеренно, словно говорил Гринчук под метроном. Или под громкое тиканье настенных часов.
- Тик-так. Тик-так. Погибших – убитых. Тик-так.
- И что еще тебе говорил Атаман?
- Еще? Еще он говорил о том, что ты вернулся с моря странным. Не таким, как уезжал. Боялся, что тебя подменили. Загипнотизировали...
- Подменили? Загипнотизировали? – Мастер вдруг захохотал.
- Громко, со всхлипами и стонами. Он хохотал так, будто услышал самую смешную вещь в мире. Будто услышал самую несусветную глупость.
- За... загипнотизировали! – крикнул Мастер. – Подменили!

Он хохотал, но Гринчуку вдруг показалось, что Мастер плачет. Рыдает. Словно...

– Если бы, – всхлипнул Мастер. – Если бы меня подменили! Господи... Если бы загнипотизировали!

Гринчук молчал.

Мастер встал с кровати, отшвырнул в сторону нож и подошел к Гринчуку. Взял его за отворот куртки и встряхнул.

– Что вы можете знать, уроды! Что он мог знать! Ехать он не хотел! Не хотел! Не хотел...

Голос Мастера снова сполз к шепоту.

Мастер потянул к себе Гринчука и шепнул ему на ухо:

– А ты ему поверил?

Гринчук снова промолчал.

– Думаешь, подменили и все? Думаешь, загнипотизировали? Хрен вам. Это слишком просто. Он тебе про Приморск говорил? Да? И туда ехать не хотел? Козел. Что, помощи у тебя просил?

– Просил, – сказал Гринчук и попытался отодвинуть от себя Мастера, но тот держал куртку крепко.

– А что ты можешь сделать? Никто ничего не может сделать! Я ничего сделать не могу! Понял? Я! Не могу! Понимаешь? Нет? Тогда съезди туда! – сказал Мастер, обдавая горячим дыханием лицо Гринчука. – Возьми и поедь. Может, узнаешь чего... Или тебе повезет, и тебя...

Мастер оттолкнул Гринчука и снова засмеялся:

– И тебя не подменят. И не загнипотизируют. И...

Мастер оборвал себя. Вернулся к кровати и сел на нее, тяжело дыша.

Гринчук брезгливо отер с лица следы его дыхания.

– Отгадай загадку, мент, – прошипел Мастер. – Я заставлял Атамана ехать в Приморск, и я его замочил, не дожидаясь отказа. Я мог убить Атамана просто так, но сделал, чтобы никто этого со мной не связал. Почему? Отгадай, мент! Отгадай, кто вернулся вместо меня из Приморска? Отгадаешь – я...

Мастер замолчал, словно пытаясь придумать ставку, приз Гринчуку за догадливость. Но не придумал.

– Ничего у тебя не получится, – прошипел Мастер. – Ничего ты не узнаешь. А если узнаешь...

– Подменят тебя! – сказал Мастер. – Подменят!

Гринчук вздрогнул, словно его лица коснулась холодная липкая лапа.

– Хорошо, – сказал Мастер. – Тебя больше не тронут. И не вспомнят. Если ты надумаешь болтать о том, что здесь услышал и о том, что тебе сказал Атаман – подохнешь. Даже если тебе никто не поверит – все равно подохнешь. Если тебе поверят, и что-то случится со мной – подохнешь. Или будет еще хуже – останешься жить. Вот так, как я.

– Иди, – прошептал Мастер и замолчал.

Словно высыпался весь песок.

Гринчук не ответил ничего. Он молча вышел из спальни. Выскользнул из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Хлопнула дверца в машине – охранник отправился в первый обход.

Гринчук легко перепрыгнул через забор и замер, чтобы не шуметь.

Внутри все дрожало, и Гринчук понимал, что это не от страха быть обнаруженным.

Его подменили, сказал Атаман. Или будет еще хуже – останешься жить, сказал Мастер.

Гринчук осторожно отошел от забора. Сердце колотилось как безумное. Он несколько раз выдохнул, словно пытаясь избавиться от ужаса, который вдохнул там, в спальне.

Вот как я, сказал Мастер.

Самое жуткое было в том, что Мастер не врал. Ему действительно было страшно. Он боялся и ненавидел. Кого?

Ничего у тебя не получится, сказал Мастер.

– А я и не хочу, – сказал Гринчук. – Не хочу!

Гринчук сел в «джип», оставленный в нескольких кварталах от дома Мастера. Глянул на часы.

К Доктору – поздно.

Гринчук набрал номер мобильного Доктора.

– Да, Юрий Иванович? – сказал Доктор.

Где-то на заднем плане послышался голос Ирины.

– Вы у бабы Иры? – спросил Гринчук.

– Да, решил заехать в гости. Знаете ли...

– Понятно, – сказал Гринчук. – Пообщайтесь там с Михаилом, а завтра позвоните мне и назначьте встречу.

– Хорошо, – ответил Доктор. – Но я думаю, что вы немного преувеличиваете.

– Хорошо бы, – сказал Гринчук. – До завтра.

Вы преувеличиваете, Юрий Иванович. И Атаман преувеличивал. Ясное дело, врал Атаман. Ну, что могло случиться такого с Мастером в красивом курортном городе Приморске? Любой нормальный человек поймет, что примерещилось Атаману с пьяных глаз. Любой нормальный человек сразу же поймет, что ничего такого с Мастером случиться не могло. Мастер не может сам сказать, что в Приморске... Не может?

Может.

Разгадай загадку, сказал Мастер.

Не хочу, сказал себе Гринчук. Не хочу. И даже думать об этом не хочу. А хочу я завтра поговорит с участковым, в микрорайоне которого стоит лицей. Хочу разобраться с очередным заскоком у младшего Махмутова, который свободно может доиграться со своими привычками гулять со всякой сивотой, хочу прикинуть, кто снова начал наркоту золотой молодежи поставлять. Даже очередного парня Милы посмотреть хочу, раз уж не может девчонка обойтись без консультации специалиста.

И еще я хочу, подумал Гринчук. Я хочу увидеть Ингу. Ингу.

– Привет, – сказал Гринчук, входя в комнату.

– Привет, – сказала Инга, откладывая в сторону книгу.

– Извини, задержался.

– Ничего. Мне приятно было тебя ожидать.

– Я тут коньяк у Графа отобрал. Две бутылки.

– К черту коньяк, – сказала Инга. – Иди сюда.

* * *

Утром она молча оделась, и пока разбиралась со своей косметикой, Гринчук ее рассматривал, лежа в кровати.

– А ты знаешь, Инга, ты красивая, – сказал Гринчук.

– Знаю, – ответила Инга.

– И у тебя много поклонников, – сказал Гринчук.

– Толпы, – ответила Инга.

– И замуж зовут? – спросил Гринчук.

Инга бросила на Гринчука быстрый взгляд:

– Ежедневно.

– Так какого хрена ты занимаешься фигней со мной?

– С тобой? С тобой я чувствую себя извращенкой. На грани скотоложества. И это меня заводит.

Инга сложила косметику в сумочку и обернулась к Гринчуку.

– Еще вопросы есть?

– Нет, – сказал Гринчук.

– Тогда я пойду, – сказала Инга.

– На все четыре стороны, – улыбнулся Гринчук.

Инга вернула ему улыбку.

– Пока, – сказал Гринчук.

– Пока, – ответила Инга и вышла.

Потом вернулась.

– Ты этот коньяк забрал у Графа? – спросила Инга, подняв с пола две бутылки.

– Этот, – подтвердил Гринчук.

– К черту коньяк, – сказала Инга.

Бутылки одна за другой разлетелись вдребезги, врезавшись в стену.

– Хороший коньяк, – приняхавшись, сказал Гринчук.

– Вот теперь – пока, – сказала Инга.

И ушла.

Козел ты, Гринчук, сказал себе Гринчук. К тому же – трусливый. Однажды Инга уйдет и не вернется.

Гринчук встал с кровати, надел тапочки и, осторожно ступая, чтобы не напороться на осколок, пошел на кухню за веником и совком.

Прибрав битые бутылки, Гринчук хотел заодно вытереть и лужу коньяка, но приняхался и махнул рукой. Пусть будет ароматизатор воздуха. К тому же, вовремя вспомнил Гринчук, минут через двадцать у него драка с отцом Варфоломеем.

* * *

Утро вообще выдалось напряженным и насыщенным. А для некоторых близких людей Мастера оно стало еще и продолжением совершенно невероятной ночи.

Мастер лично позвонил трем или четырем приближенным и сделал это около полуночи. Такое с ним было впервые, и приглашенные для беседы мчались к дому, будто от этого зависела их жизнь. Хотя, в некотором смысле, именно так и было.

Первое, что потребовал Мастер, было разобраться с его сегодняшней охраной, и так, чтобы козлы запомнили это надолго. Козлы это запомнили, а у двоих из них еще и остались на память шрамы. Затем Мастер отправил пару толковых ребят Абрека, чтобы те провели воспитательную работу с Левчиком.

В результате Левчик все-таки попал в больницу, но не травматологию, а в кардиологию. Его сердце чуть не разорвалось от горя, когда приехавшие мальчики Абрека методично, предмет за предметом, уничтожили всю обстановку Левчиковой квартиры. Делали они это без особого садизма, но скрупулезно. Зеркало? Бац! Сервиз? Дзиннь! Китайский фарфор? Что вы говорите! Хрясь!

Левчик крепился. Левчик проглотил несколько таблеток. Левчик пытался зажмуриться и зажать уши.

Парни приехали спортивные, так что книжные полки, сервант и шкафы были не просто перевернуты, но каждая дощечка в них была тщательно сломана или перебита. Даже фаянсовый унитаз в туалете был расколот четким ударом молотка.

Уцелел только аквариум. Парни были не чужды гуманизма и пожалели бессловесных рыбок. Правда, тонко намекнули Левчику, что рыбок не тронули именно потому, что они молчат. Врубился, козлина?

Левчик врубился и даже смог вытерпеть почти всю экзекуцию до конца. Даже когда его любимы картины (подлинники) были, не торопясь изрезаны на мелкие кусочки, он выдержал. Доконал его последний штрих. Уже уходя из квартиры, один парень вдруг обратил внимание на обручальное кольцо, украшавшее палец Левчика вот уже двадцать пять лет. Кольцо сняли, несколькими ударами превратили его в комочек желтого металла и вернули владельцу.

Сил вызвать «скорую» у Левчика хватило.

Но Левчик оказался не самым пострадавшим в ту ночь.

Часа в три ночи, в клубе «Аист» к веселящемуся Ярику подошли двое. Ярик вышел вместе с ними на свежий воздух, поговорить, и в клуб уже не вернулся. Грыжу нашли на хате у его бабы, а Сливу – дома, где он залечивал результаты своей дискуссии с приятелями.

Потом, уже часам к шести утра, Мастер позвонил еще нескольким коллегам и сообщил, что виновник смерти Атамана найден.

Петруха, мелкая гнида, решил занять место Атамана. Разработал хитрый план, чтобы заодно подставить и мента. Трое уродов, которых он использовал, на самом деле получили указание лично от Петрухи. А сам Петруха, хитро устроил драку, чтобы лечь в больницу и тем самым избежать подозрений.

Но Мастера обмануть невозможно.

Не хочет ли кто-нибудь из уважаемых коллег Мастера лично побеседовать с Грыжей, Яриком или Сливой? Нет? Верят Мастеру на слово? Не передумают? А то ведь потом с этими беспредельщиками поговорить не получится. Сами понимаете – на тот свет мобильники не достают. Не передумаете? Ну, и ладно.

Машина с Яриком, Грыжей и Сливой на борту неудачно упала с дамбы в пригородный пруд. А сам Петруха не проснулся в больнице. Что-то там у него не заладилось то ли с сердцем, то ли с капельницей.

К девяти утра все четыре городские телеканала и пять радиокомпаний получили в письменном виде краткое изложение всего происшедшего. К пресс-релизам было приложена устная просьба, всю полученную информацию обнародовать немедленно. Что и было немедленно исполнено.

Гринчук всего этого не знал. В тот момент, когда руководители независимых средств массовой информации принялись торопливо раздавать указания своим подчиненным, Гринчук ударил священника кладбищенской церкви.

Отец Варфоломей согнулся вдвое, схватившись обеими руками за живот, а потом медленно сел на землю.

– Господа Бога... – пробормотал сдавленным голосом священник.

– Что? – спросил Гринчук, не приближаясь, однако, к отцу Варфоломею.

В прошлый раз батюшка поймал его на немудреный трюк. Застонал, пропустив удар, а когда Гринчук бросился ему помогать, врезал в район чресел. В библейские места, правда, не попал, но уважение к своему коварству и изворотливости Гринчуку внушил.

– ...всю кротость его. – Закончил отец Варфоломей и протянул руку Гринчуку. – Помоги, Юрка!

– Ага, – сказал Гринчук, – я вам, батюшка, руку, а вы мне, как в прошлый раз, в предмет моей мужской гордости. А я еще надеюсь жениться и обзавестись детьми.

– Я б тебе женился! – желчно сказал священник, с кряхтением поднимаясь с земли. – Что это за мода пошла – ногами махать? В наши времена за такие дела можно было и пострадать. В живого человека – ногой. Святое дело – хук справа и прямой в челюсть... Так нет же – ногой. И еще ниже пояса.

– Да вы и сами, батя, не так чтобы выше пояса били, – напомнил Гринчук.

– А если по-другому не получается? – спросил священник. – Если тебя, крапивное семя, иначе не достать?

– Аргумент, – согласился Гринчук. – Но с ногами у вас действительно проблемы.

– Проблемы... А как я, по-твоему, ногой махать буду в рясе? И возраст мой не тот. Вон, всего минуту дрались, а я запыхался весь, – священник оглянулся и, увидев рядом лавочку, направился к ней с явным намерением сесть.

– Стоять! – приказал Гринчук. – У нас еще километр кросса.

Отец Варфоломей замер. На его лице читалось явное желание послать к чертовой матери и Гринчука, и кросс, но, во-первых, священник старался не сквернословить, а, во-вторых, он сам просил Юрку потренироваться с ним.

– Ладно, – тяжело вздохнул батюшка, – побежали. Грехи наши тяжкие...

Чертов Юрка, пробил-таки и защиту и пресс. Хотя, с удовлетворением подумал отец Варфоломей, сегодня и Гринчук схлопотал пару затрещин. Карате там, или кунг-фу, а бокс – это тоже не фунт изюму.

– Я не сильно вас, батюшка? – спросил Гринчук, пристраиваясь справа от бегущего рысцой священника.

– Ничего, – отмахнулся отец Варфоломей. – Сам вон, к губе чего-нибудь холодное приложи. Стыдоба.

Гринчук потрогал припухшую губу и улыбнулся. Чем там в юности занимался батюшка – не известно, но удар справа у него тянет, минимум, на первый разряд.

Месяц назад отец Варфоломей попросил Гринчука о помощи в тренировках, туманно намекая на то, что все может в жизни пригодиться. В подробности не вдавался, пригрозив перестать с Гринчуком вообще знаться, если тот полезет не в свое дело.

Гринчук и не лез.

Батюшка бегал необычно легко для своего возраста, да еще умудрялся, обычно, на ходу разговаривать.

Но сегодня молчал, иногда потирая рукой ушибленный Гринчуком живот.

– Я спросить хотел... – сказал Гринчук.

– Без комментариев, – отрезал отец Варфоломей. – Стукачи – по другому адресу.

– Ну и жаргончик у вас, божий служитель, – неодобрительно покачал головой Гринчук. – Как там в Евангелии? Богу богово, а кесарю кесарево? Вот богу – исповедь, а кесарю, извините, донос.

– Кесарево сечение! – сказал отец Варфоломей. – Я тебя когда слушаю, прости Господи, начинаю думать, что аборт или там контрацептивы – не такие уж и плохие вещи.

– Вот так враг рода человеческого и проникает в самые чистые и... ой! – Гринчук увернулся от подзатыльника и отскочил в сторону. – Вы, батюшка, с руками-то поосторожнее. Не берите грех на душу. Убьете, на фиг, а потом что?

– Покаяюсь, – ответил священник.

– Ну, и ладно, – успокоился Гринчук, – а то я прямо заволновался, как вы там с моей кровью на руках.

Некоторое время они бежали молча.

– Юра, – тихо окликнул священник, – ты вчера...

– Да. Я. Вчера. Что дальше? – спросил Гринчук. – Поставьте там свечку от меня, что ли... Можно от некрещеного свечку ставить?

– Ой, Юрка, – тяжело вздохнул отец Варфоломей, – когда ты уже одумаешься?

– Не знаю, батюшка. И нужен ли вам такой как я?

– Богу...

– Батюшка, я вас умоляю! Лучше скажите, с ремонтом церкви все нормально?

– Управились, спасибо тебе. И деньги в детский дом передал. Чего ты сам не отвез?

– Некогда, – отмахнулся Гринчук. – Много дел. Недавно тут...

Гринчук замолчал, словно засомневавшись в последний момент.

– Что там у тебя?

– Вы, батюшка, в нечистую силу верите? – спросил Гринчук.

От неожиданности отец Варфоломей закашлялся.

– Очумел, служивый? – восстановив дыхание, спросил священник. – В старые времена, в Европе, главным признаком еретика знаешь, что было? Это когда кто утверждал, что нет ведьм и колдунов. Такого без разговоров отправляли на костер.

– Да я не об этом. Про дьявола я не спрашиваю.

Отец Варфоломей перекрестился.

– Я другое спросить хотел. В оборотней там, в упырей, вурдалаков там всяких – верите?

– Ну, – протянул священник. – Вопросы ты ставишь, Юра.

– Нет, серьезно? Чтобы одного человека превратить в другого? Как это у вас? Чтобы бес вселился.

Отец Варфоломей перекрестился снова и внимательно посмотрел в лицо Гринчуку. Тот отвел взгляд.

– Что-то случилось?

– Здравствуй, батюшка, – неодобрительным тоном поздоровалась проходившая мимо старушка.

– Ступай себе, ступай, – махнул рукой батюшка. – Давно тебя в церкви не видел, Петровна. Все на базар ходишь?

– А ты в срамных штанах по городу бегаешь! – негромко, но отчетливо огрызнулась старушка и ускорила шаг.

– Так что случилось? – еще раз спросил Гринчука священник.

– Не знаю, – пожал плечами Гринчук. – Вроде бы ничего особого. Только странно как-то. Будто сквозняком потянуло. Или серой.

– Присядем на скамейку, – сказал священник. – Если серой потянуло – нужно потолковать. Откуда пахнет?

– Как вы полагаете... – медленно начал Гринчук и вдруг резко прервал себя. – Только я вас прошу – услышали, ответили и забыли. Для вашего же блага.

– Хорошо, – легко согласился отец Варфоломей. – Говори.

Историю Мастера и Атамана священник выслушал, не перебивая. Когда Гринчук закончил, отец Варфоломей задумчиво почесал бороду. И молчал еще с минуту. Гринчук терпеливо ждал.

– Да, – сказал отец Варфоломей.

И снова замолчал.

– Что-то не так? – спросил Гринчук.

– Это... – протянул священник. – Все так. К сожалению.

Лицо отца Варфоломея принимало все более задумчивое выражение, и по мере этого росло изумление Гринчука.

– Ты, Юра, еще кому-нибудь говорил об этом?

– Нет, только вам. И Мастеру.

– Мастеру... – протянул отец Варфоломей. – Плохо, что Мастеру. Но уже ничего не поделаешь.

Отец Варфоломей был серьезен и явно обеспокоен.

– Ты не смотрел, здесь тебя не пасут? – спросил священник.

Гринчук даже забыл съязвить по поводу оборотов речи священнослужителя.

– Кажется, нет...

– Ладно. Я тут кое-чего поспрашаю, – отец Варфоломей встал со скамейки и потянулся, хрустнув суставами. – Старость – не радость... А ты, Юра, ступай себе с Богом. И поосторожней там.

Не прощаясь, отец Варфоломей, ушел, оставив Гринчука на скамейке в полном изумлении.

* * *

Когда Гринчук вернулся домой, на его мобильном телефоне значилось пять не отвеченных звонков. И все от Полковника. Еще в квартире находился Браток и Михаил.

Браток, как обычно, готовил на кухне завтрак, а Михаил сидел перед телевизором.

– Доброе утро, – поздоровался Михаил.

– Утро добрым не бывает, – дежурной фразой ответил Гринчук.

– А вас вчера не сильно за меня ругали? – с кухни спросил Браток.

Этот вопрос мучил его со вчерашнего дня. Лично его, Братка, начальники даже не ругали, Полковник время от времени хихикал, а Владимир Родионыч был серьезен, но, как показалось Братку, из последних сил.

– Не ругали, Ваня, не переживай, – успокоил его Гринчук. – Порадовались, что мои подчиненные умеют действовать эффективно и жестко.

– Да не хотел я ее наручниками крепить. И пасть ей клеить не собирался. Я ей вежливо так, посидите, мол, тихо, а она! Нет, вы слышали, как она ругалась? Я даже покраснел, честное слово. Пришлось ее... это... обездвижить.

– Чтобы не мешала благословлять семью на демографические подвиги, – подсказал Гринчук. – Да ты не переживай, Ваня. Все в порядке. Будешь следующий раз по такой теме выступать – используй наработанные приемы.

Гринчук бросил на стул куртку и отправился в ванную.

– Вам несколько раз звонил Полковник! – крикнул ему вдогонку Михаил.

– Я немытый с начальством не общаюсь, – сказал Гринчук и закрыл за собой дверь на щеколду.

Что-то так переполошило отца Варфоломея. Или и в самом деле в Приморске разгулялась нечистая сила? И по церквям разослали ориентировку по этому поводу?

В дверь ванной постучали.

– Чего нужно?

– Снова звонит Полковник, – сообщил из-за двери Браток.

– Ты сказал ему, что подполковник Гринчук изволят принимать душ?

– Сказал.

– Он трубку положил?

– Нет, он...

– Пусть положит. Я потом перезвоню.

* * *

– Он потом перезвонит, – сказал Полковник Владимиру Родионычу. – Как только примет душ.

– М-да, – печально произнес Владимир Родионыч. – Сейчас это называется субординацией и уважением к старшим.

– Нет, ну почему же, – не согласился Полковник. – Мы ведь тоже не должны подрывать авторитет Юрия Ивановича, требуя, чтобы он бежал к телефону прямо из-под душа, мокрый и голый. Вот вы бы, например, не побежали?

Владимир Родионыч молча посмотрел на Полковника. Тот кашлянул и углубился в изучение отчета своей службы наблюдения. Эти листки он уже перечитал несколько раз, но не коротать же время, в самом деле, глядя в серьезное лицо Владимира Родионыча.

Тем более что отчет был очень даже приемлемый со всех точек зрения. Все осведомители в один голос подтвердили, что Гринчук теперь ни коим образом к смерти Атамана не привязан. Что все уже решилось. Нужные материалы, судя по всему, уже попали в прокуратуру. На радио и в телевизор они попали совершенно определенно, потому что городские представители четвертой власти на перебой, но одними и теми же словами, доносили эту драматическую историю до своих зрителей и слушателей.

– Так вы уверены, что это не с вашей подачи все так славно обернулось? – уже в третий раз спросил Владимир Родионыч.

И в третий раз Полковник заверил его, что нет, что не с подачи людей Полковника произошла столь приятная метаморфоза. Что его люди, к сожалению, не столь оперативны. И что, по их сведению, разоблачение заговора против Атамана пришло чуть ли не от самого Мастера.

Позвонил Гринчук.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, – поздоровался Полковник. – И где же вас черт носил все это время без телефона? А... В здоровом теле – здоровый дух. Хорошо. И о душе, опять-таки, можно одновременно подумать.

Полковник прикрыл рукой трубку и спросил у Владимира Родионыча:

– Сказать, чтобы зашел?

– Пусть работает. Мы вчера с вами уже наметили, чем ему нужно заниматься в первую очередь.

– Вы тогда, Юрий Иванович, работайте по плану. Да. Вы, кстати, радио слушали? Нет? Там очень живо рассказывали о том, как группа негодяев устроила заговор с целью убить известного в определенных кругах Атамана. Вот именно. Трое из них – Грыжа, Ярик и еще какой-то фрукт, попытались скрыться из города, но не справились с управлением и упали вместе с машиной в пруд. А организатор всего, некий Петруха, скончался этим утром в больнице от острой сердечной недостаточности. Вот именно. Подполковник милиции Гринчук к этому делу имеет отношение только как свидетель. А само дело, ввиду гибели подозреваемых, будет, очевидно, закрыто. Да.

Полковник бросил быстрый взгляд на Владимира Родионыча. Он как раз изучал какие-то финансовые бумаги.

– Вы, Юрий Иванович, вчера никуда не ходили ночью? Это я просто так спросил, к слову.

* * *

– К слову, – сказал Гринчук, – я пришел домой около полуночи и снова ушел уже утром. Поздним утром. Можете спросить у охраны. Так что у меня – алиби. Я знаю, что вы ничего такого не имели ввиду. До свидания.

Гринчук положил трубку и посмотрел на Братка:

– Что сегодня на завтрак?

– Картошка жареная на сале.

– И все?

– А я больше ничего не умею, – похвастался Браток. – Кроме яичницы, но вы вчера сказали, что если я еще раз приготовлю...

– Ладно, – согласился Гринчук, – пошли завтракать. Заодно и наметим наших планов громадье.

Под картошку и наметили.

Братку выпало идти к участковому.

– И особо подчеркни, что это он отвечает передо мной за то, что творится на его территории. Увеличение патрулей мы выбили? Выбили. Маршруты изменили? Изменили. Патрули получают доплаты за бдительность и четкость? Да и сам он тоже не обделен. Так какого хрена – тут можешь в выражениях не стесняться – какого хрена он не может уследить за этими малолетками. И если он сам не может с ними справиться, то пусть даст нам имена, явки и пароли – сами разберемся. Разберемся ведь?

Браток ответил в том смысле, что да, чего бы и не разобраться.

Михаил ел молча.

Гринчуку приходилось прилагать усилия, чтобы не смотреть в его сторону.

Оговорив с Братком его задачу, Гринчук, наконец, обернулся к Михаилу.

– Миша, ты займись младшим Махмутовым. Поговори с их семейным начальником охраны. На родителей пока не выходи, бестолку. Мама без ума от своего сына, а папа без ума от рождения. Придется работать непосредственно с зажавшимся мальчиком. Одно радует, вроде в охране у них нормальные ребята.

– Я понял, Юрий Иванович, – спокойно сказал Михаил. – Сейчас созвонюсь с Виталиком и назначу встречу.

– Хорошо, – Гринчук посмотрел на Братка.

Тот налил себе чаю и явно собирался предаться неторопливому чаепитию.

– Ты еще здесь? – спросил Гринчук.

– А что?

– А уже вижу тебя стремительно летящим к гражданину участковому. И чем стремительнее ты к нему полетишь, тем лучше.

– А...

– А чай попьешь, когда вернешься. И посуду помоешь.

– Жена вам пусть моет, – буркнул Браток. – Всю квартиру коньяком провоняли. Попойку вчера устроили?

– Разговорчики, – напомнил Гринчук.

– Уже пошел, – вздохнул Браток и вышел из квартиры.

– Такие вот дела, – неопределенно протянул Гринчук.

– Я помою посуду, – предложил Михаил.

– Сиди, я с тобой поговорить хотел.

– Хорошо.

Михаил отодвинул пустую тарелку и приготовился слушать.

– Миша, – Гринчук потер мочку уха. – По вчерашнему делу...

– У меня все нормально, – сказал Михаил. – Я вам уже говорил. Просто я...

– Я помню. Тебе не нравится убивать. Это я понимаю. Я и сам вчера, честно говоря, наверное, имел бледный вид и форму чемодана с двумя замками, – Гринчук даже смог улыбнуться, хотя для этого пришлось постараться.

Гринчуку даже послышался скрип собственно кожи, ставшей вдруг жесткой, словно куртка на морозе.

– Ты все хорошо помнишь, что вчера произошло?

– Да.

* * *

– Я все хорошо помню, – уверенно сказал старший лейтенант Горкин.

– Гринчук разговаривал со всеми тремя?

– Нет, – Горкин чуть прикрыл глаза, вспоминая. – Он говорил с двумя...

– С кем именно? – быстро спросил хозяин кабинета и подвинул старшему лейтенанту три фотографии.

Горкин внимательно посмотрел, потом аккуратно отодвинул пальцем две из них:

– Вот с этими.

– С Грыжей и Яриком... – удовлетворенно произнес хозяин кабинета и посмотрел на своего коллегу, сидевшего в углу.

Тот кивнул с самым удовлетворенным видом.

– И Гринчук сказал, что хочет стрелять в Грыжу и Ярика?

– Ну, он вроде как шутил...

– Дословно – потребовал хозяин кабинета.

– Что-то вроде, мы решаем расходиться со стрельбой или без, – сказал Горкин.

– Или без... – хозяин кабинета писал старательно, даже высовывая иногда кончик языка.

Похоже, ему очень нравилось все происходящее.

– Ознакомьтесь, – закончив писать, протянул он листок бумаги Горкину. – И подпишите. Болтать об этом не стоит. Вам все понятно?

* * *

– Ты все понял? – уточнил еще раз Гринчук.

– Да, – чуть улыбнулся Михаил.

– Тогда – поехали, – сказал Гринчук. – Ты не заметил, что двое охранников на въезде убиты.

– Да, извините.

– А потом? Ты подъехал к бильярдной...

– Я подъехал к бильярдной, вышел из машины. Водитель, убитый охранник возле крыльца. Вооруженный человек на крыльце. Дверцы в их машине открыты. Две дверцы. Значит, одни из стрелков уже в клубе. Я послал вам вызов и открыл огонь на поражение. Все.

– А потом ты проверил, как там у меня дела и вышел на улицу. Приходил в себя. Все? Больше ничего?

– Все.

– Ты помнишь, как я подходил к машине киллеров?

– Д-да, – несколько неуверенно ответил Михаил.

– Ты стоишь возле крыльца, а я иду к машине. Потом возвращаюсь к клубу и снова иду к машине. И лезу вовнутрь. Помнишь?

– Кажется...

– Миша, ты помнишь или нет?

– Вы подошли к машине... Наверное... Да. Подошли. – Растерянность в голосе Михаила зазвучала явственнее.

Гринчук даже почувствовал, как по спине поползли мурашки. Он как-то не привык, что Михаил может говорить вот так – неуверенно и жалко.

– Миша, – Гринчук старался говорить ровно и спокойно. – Почему ты стрелял в водителя?

– Явная угроза. Его нельзя было оставлять в тылу. Я не мог пройти к дому, пока он простреливал подходы. А в доме были вы...

– Миша, – тихо сказал Гринчук, – водитель в тот момент был не вооружен. Ты это знаешь? У него не было в руке оружия. Оно было в кобуре.

– Я... – сказал Михаил. – Я не помню. Я не помню.

– Спокойно, Миша, – тихо сказал Гринчук. – Тебя никто ни в чем не упрекает. Ты поступил правильно. Либо ты убирал водителя, либо он – тебя.

– Я не помню, – еле слышно сказал Михаил. – И вы...

– Я решил эту проблему, – кивнул Гринчук. – Дело не в этом.

– Я понимаю, – сказал Михаил. – Дело в том, что я сам могу не понять, когда сорвусь. Я это могу не почувствовать. И, может, я уже потихоньку начинаю...

– Что ты чувствуешь? – спросил Гринчук. – Что именно? Ты же помнишь, как это было с тобой в первый раз?

– В самый первый? Не помню. Какие-то тени и голоса. А вот когда со мной это случилось прошлым летом... – Михаил задумался. – Наверное, тоже не помню. Взрыв, я попытался уйти, и меня ударило металлической бочкой. Потерял сознание. А потом...

Голос его стал каким-то механическим, безжизненным

– Все было очень логично и естественно. Мне не нужно было задумываться – решения появлялись как бы сами собой. Возникла проблема – и появлялось решение. И я слышал голос. И это голос говорил, что мне нужно делать. И я делал. Трудно объяснить, но я не чувствовал себя связанным. Голос ставил задачу, а я сам, совершенно свободно и сознательно придумывал, как это осуществить... Мне потом объяснил Полковник, что это была подсознательная программа выживания. И он мне объяснил, что у меня не было шансов ей противостоять. И все-таки я смог продержаться довольно долго. Пока меня не нашли... Но я ведь сейчас не слышу голосов! Я совершенно свободен! И я понимаю, что говорю, что делаю и зачем это делаю... Понимаю... – Миша говорил все тише и тише. – Я и тогда понимал. И ощущал себя свободным...

Миша замолчал.

Гринчук тоже молчал.

– Вы думаете, это срыв? Или я иду к нему? – спросил, наконец, Михаил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.